Переводы

Виталий А. Куренной

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе

doi: 10.22394/2074-0492-2017-4-197-239

Публикуемая в русском переводе статья Германа Люббе «История значения как поле политического языкового действия» вышла в сборнике под редакцией Райнхарта Козеллека «Историческая семантика и история понятий» в 1979 г.[1] В это время уже стартовали два масштабных проекта, где ключевую роль играла методология истории понятий — «Исторический словарь философии», первый том вышел в 1971 г., и «Словарь основных исторических понятий», первый том которого опубликован в 1972 г.[2] Первый проект инициирован Эрихом Ротхакером еще в середине 1950-х, но роль его лидера после

Куренной Виталий Анатольевич — кандидат философских наук, профессор, руководитель Школы культурологии и Лаборатории исследований культуры НИУ ВШЭ. Научные интересы: философия, исследования культуры. E-mail: vkurennoj@hse.ru

Vitaliy A. Kurennoy — candidate of philosophy, professor, head of the School of Cultural Studies and Laboratory of Culture Research at National Research University Higher School of Economics. Research interests: philosophy, cultural studies. E-mail: vkurennoj@hse.ru

1 Перевод этой статьи О. Кильдюшовым выполнен еще в рамках работы исследовательского семинара «Эвристические возможности и границы применения исторической семантики», который проходил в РГГУ в 2005–2006 гг. В работе семинара участвовали Тимофей Дмитриев, Андрей Веретенников, Екатерина Вострикова, Петр Куслий и Елена Паламарчук. Страница семинара, организованного в рамках проекта «Личность-субъект-индивидуум. Философские концепты «персональности» в истории немецко-русских культурных связей», см. https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/?p=info&sub=events&item=wsm, а также [Куренной, 2007].

2 В настоящее время выборочные статьи словаря представлены на русском языке: Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2 т. М.: НЛО, 2014.

смерти Ротхакера в 1965 г. сыграл Иоахим Риттер, до конца жизни посвятивший себя работе над словарем. Второй проект оформился в середине 1960-х[1], и в нем первой скрипкой выступил Р. Козеллек.

Можно сказать, что к моменту публикации этого сборника бум историко-семантических исследовательских программ в Германии был уже в прошлом — он пришелся на 1960-е годы[2]. Часть этих программ успешно перешла в стадию длительной реализации: «Исторический словарь философии» Риттера был выпущен в 13 томах, последний том (регистр) вышел в 2007 г. «Словарь основных исторических понятий» Козеллека вышел в 8 томах (последний том, состоящий из двух полутомов, представляет собой также регистр), его издание продолжалось до 1997 г.[3] Другие же программы так и остались в форме нереализованных проектов. К таковым, например, относится идея Ганса Блюменберга о написании истории философских метафор, о которой он заявил в конце 1950-х годов [Blumenberg, 1997]. Также в середине 1960-х Герман Люббе опубликовал обширное исследование по истории понятий — монографию «Секуляризация: История одного идейно-политического понятия» [Lübbe, 2003 (1965)]. Так что указанный сборник 1979 г. фиксирует скорее не героический этап взрывной экспансии методологии истории понятий на различные дисциплинарные области, а документирует рабочий момент утончения рядом основных игроков своих теоретических позиций. В процессе подобного утончения постоянно находился прежде всего Р. Козеллек — теоретик с наихудшей философской подготовкой, опубликовавший здесь статью, посвященную труднейшему для его исследовательской программы вопросу о том, как история понятий все-таки может быть связана с социальной историей[4].

1 Первоначально проект назывался «Словарь политико-социальных понятий», что соответствует подзаголовку выпущенного в конечном итоге словаря: «Исторический лексикон политико-социального словаря Германии». Этот подзаголовок почему-то опущен в русском издании избранных статей словаря, хотя ограничение немецким национальным контекстом является его конститутивной особенностью.

2 О проектах историко-семантических исследований в других странах см. [Бедикер, 2010]. Впрочем, новые проекты продолжают появляться и в это время. Так, в указанном сборнике 1979 г. Хайнер Шультц предлагает проект «истории аргументации».

3 Хотя номенклатура редакторов словарей шире, мы в данном случае руководствуемся сложившейся традицией атрибутирования словарей по именам их главных действующих лиц.

4 Вопрос, разумеется, перекодирует в терминах лингвистической проблематики следующую «трудную проблему» классической новоевропейской философии сознания: если все наши знания о мире опосредованы нашими представлениями, то как же нам узнать, чему они в мире соответствуют?

Задачи настоящей вводной статьи заключаются в том, чтобы

— определить долгосрочный интеллектуальный контекст, который привел к формированию немецких философских программ исследований истории понятий в послевоенный период;

— проанализировать программу «Исторического словаря философии» И. Риттера;

— эксплицировать программу исследований истории понятий Г. Люббе;

— на основании прослеженной истории концепций истории понятий предложить периодизацию немецкого историзма;

— рассмотреть применимость истории понятий Люббе в практике историко-семантических исследований, а также предложить ее расширение, включающее также отношение к специфическим особенностям российского общественно-политического языка.

Рождение истории понятий: Адольф Тренделенбург и Рудольф Эйкен

Иоахим Риттер был философом, менее всего склонным к тому, чтобы претендовать на методологические инновации в философии. Даже свою центральную философскую теорию общества модерна он сформулировал посредством фундаментальной герменевтической интерпретации «Философии права Гегеля» [Ritter, 2003 (1956)][1]. В «Предисловии» к «Историческому словарю философии», который был представлен — несмотря на огромные расхождения и по содержанию, и по методологии — как доработанное продолжение словаря Рудольфа Эйслера, он указывает трех философов, занимающих ближайшее положение к замыслу словаря, — Ганса-Георга Гадамера, Эриха Ротхакера и, наконец, Рудольфа Эйкена, который «пробудил» эти исследования[2].

Эйкену принадлежит оформленная идея истории философских понятий, с которой он программным образом выступил в обшир-

1 О философии Риттера и его «школы», к которой относит себя и Г. Люббе, см. [Куренной, Румянцева, 2016].

2 Этими краткими сведениями экскурс в историю истории понятий Риттер не ограничивается. В «Предисловии» он отсылает к обширной статье «История понятий» содержащейся в первом же томе словаря. Статья написана Гельмутом Мейером [Meier, 1971] и содержит три раздела: 1) обзор истории понятия «история понятия» (первый случай терминологического употребления зафиксирован в лекциях по философии истории Гегеля); 2) история понятий в философской лексикографии (где рассматривается также проект Козеллека и Риттера); историко-понятийная философия истории (последняя из рассматриваемых концепций здесь принадлежит как раз Г. Люббе). Библиографию работ по истории понятий с 1900 г. см. также [Flasche, Wawrzinek, 1960].

ном исследовании «История философской терминологии» в 1879 г. Работа объемом более 200 страниц содержит разделы, посвященные терминологии античной и средневековой философии, философии Нового времени, отдельный раздел посвящен истории немецкой терминологии. Идею понятийно-исторического анализа он продолжал разрабатывать и в других своих работах, полагая, например, что именно «основные понятия» (термин Эйкена) структурируют ведущие «духовные течения современности» [Eucken, 1904]. Его размышления о методологии исторического исследования терминологии [Eucken, 1879, S. 166 ff.], включая, например, дистинкции между термином, словом и понятием, встречающееся, хотя и в собственном значении, также у Р. Козеллека [2014, с. 37], небезынтересны и сегодня. Эйкен является важной фигурой также и для концепции исторической семантики Германа Люббе, о чем мы скажем ниже. Проект Эйкена — это не просто оформившаяся программа истории понятий, но программа, реализованная в его многочисленных исследованиях. Разумеется, существовало множество словарей и энциклопедий до Эйкена, в которых так или иначе затрагивается вопрос истории понятий. Однако все они в конечном счете принадлежат к той парадигме, которую И. Риттер (см. ниже) назвал «картезианской», то есть нацеленной на нормативную дефиницию значения понятий. Выдающимся образцом подобной нормативной практики написания словарей в XX в. продолжают оставаться все без исключения советские словари и энциклопедии.

Однако все же сложно согласиться с Риттером в том, что Эйкен здесь выступает как начальная точка отсчета для программы истории понятий. На наш взгляд, он скорее завершает сложный этап в истории философии XIX в., который после классической работы Г. Шнедельбаха [Schnädelbach, 1983] принято называть «кризисом идентичности» философии в послегегелевский период. Одно из направлений выхода из этого кризиса состояло как раз в историзации философии, т. е. в превращении профессиональной философской деятельности в работу, направленную на изучение собственной истории. Этот процесс протекал параллельно со сциентистской консолидацией всего спектра современных историко-гуманитарных дисциплин и работой по их эпистемологическому фундированию в качестве современных исследовательских научных дисциплин — таково было институциональное требование новой модели Университета Гумбольдта. Фридрих Карл фон Савиньи формулирует идею новой науки о праве в своем проекте исторической школы права [Савиньи, 2011 (1814)][1],

1 Должен отметить выдающиеся качества указанного сборника работ Савиньи, подготовленного одесскими адвокатами. Тем самым они заполнили

Иоганн Густав Дройзен, развивая идеи Вильгельма фон Гумбольдта, в своей «историке» создает непревзойденную по глубине и систематической интегрированности теорию историографии, Август Бёк разрабатывает в том же историко-герменевтическом ключе идею научной филологии [Böckh, 1877]. Все эти великие методологи собственных научных дисциплин образуют то, что сегодня называется «старым немецким историзмом» [Beiser, 2011], который стараниями таких авторов, как Р.Ф. Анкерсмит и процитированный выше Фредерик Бейзер, в последние годы открывает для себя мир, читающий на английском языке[1]. Затем идея герменевтического принципа познания, объединяющая работы Савиньи, Бёка и Дройзена, двигаясь своим путем, сосредотачивается в форме философского проекта «критики исторического разума» Дильтея, чтобы, наконец, еще раз пережить обновление и своеобразную онтологическую генерализацию в «Истине и методе» Г.-Г. Гадамера, которого Риттер берет в союзники замысла своего исторического словаря философии.

Однако историзм проникает и в философию, постепенно релятивизируя жесткий телеологизм, характерный для историцизма Гегеля, который в рамках своей системы синтезирует в неустойчивое целое релятивизирующий посыл историцизма и аисторический стандарт разума эпохи Просвещения. Гегельянцы в лице Карла Розенкранца, Иоганна Эдуарда Эрдмана и его ученика Куно Фишера формируют в XIX в. современный профессиональный канон историко-философской работы. Особняком здесь стоит центральная фигура всего послегегелевского кризисного этапа развития философии — Адольф Тренделенбурга, ставшего на 35 лет (1837–1872) преемником Гегеля в должности единственного ординарного профессора главного в Германии — по крайней мере в философском профессиональном поле — университета, т. е. Берлинского университета. После того как Клаус Христиан Кёнке в своем революционном исследовании немецкой университетской философии XIX в. вновь открыл для нас этого

огромную лакуну для русскоязычного читателя, которому приходилось довольствоваться переизданиями дореволюционный монографии П. Новгородцева и двумя случайными переводами самого Савиньи и Пухты. Помимо того что к самому переводу нет никаких претензий, безупречным является сам состав сборника, где помимо тома «Системы современного римского права» опубликованы все программные тексты Савиньи, включая работу «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции», а также чрезвычайно полезная для понимания специфики немецкой исторической школы права подборка текстов Отто фон Гирке, Рудольфа фон Иеринга и др.

1 Легкое прикосновение к немецкому историзму, впрочем, сначала фундаментально изменило взгляды Ричарда Рорти на аисторический характер аналитической философии.

«великого неизвестного» [Köhnke, 1986, S. 23], Тренделенбург вызывает все более устойчивый интерес исследователей генезиса современной философии[1]. Возможно, придет время, когда, наконец, в курсах истории философии станут изучать не наследие всевозможных маргиналов и «Sonderlinge» («чудаков» — Макс Шелер), не имевших никакого влияния на становление современной профессиональной философии в это время (Маркс, Кьеркегор, Ницше[2]), а наследие Тренделенбурга (в последнюю очередь, конечно, этого можно ожидать в России, которая на 70 лет выбрала себе в качестве государственной идеологии одну из таких маргинальных философий, и где после завершения этой эпохи умами продолжают владеть подобные же маргинализованные фигуры философии теперь уже XX в.).

Мы не будем здесь входить в изложение систематических особенностей философии А. Тренделенбурга[3], отметим лишь характер его вклада в историзацию и сциентизацию философии. Тренделенбург выступил с развернутой критикой философии Гегеля, опубликовав свои двухтомные «Логические исследования» (в 1870 г. вышло третье дополненное издание работы)[4]. Основной критический посыл работы в этой части состоял в том, что философия Гегеля, претендуя на открытие априорного диалектического метода познания, позволяющего построить всеобъемлющую систему, не выдерживает проверку на априорность. Она убедительна лишь постольку, поскольку не является априорной, но основывается на опыте и созерцании.

1 Помимо указанной работы Кёнке см. также [Демин, 2009]. В настоящее время та смена перспективы, которую предложил К.Х. Кёнке, расширена и популяризована в англоязычном пространстве Фредериком Бейзером [Beiser, 2014a; Beiser 2014b; Beiser, 2013].

2 Самым курьезным случаем здесь является, конечно, Карл Маркс, степень маргинальности которого Карл Лёвит выразил следующим образом: «Так называемый марксизм стал известен немецкой интеллигенции лишь благодаря политической пропаганде национал-социализма и в его полемическом оформлении» [Лёвит, 2002 (1940), с. 256]. Курт Вухтерль, характеризуя наследие Кьеркегора, Маркса и Ницше, объединяет их в параграфе с характерным названием «Разрыв с буржуазными традициями, оставшийся без последствий»: «Эпохальные значения революций, осуществленные этими тремя мыслителями, как таковые могут быть распознаны только из перспективы последующего XX века. Для XIX столетия они были в значительной мере несвоевременны и поэтому поначалу остались без внимания — не в последнюю очередь в силу прямого сопряжения философии Кьеркегора и Маркса с немецким идеализмом» [Wuchterl, 1995, 20–21].

3 См. также [Длугач, 1996].

4 Перевод Е. Корша второго издания «Логических исследований» [Тренделенбург, 1868] представляет сегодня интерес лишь в качестве памятника становления русской философской терминологии. Краткое резюме сути критической позиции Тренделенбурга в отношении Гегеля см. [Trendelenburg, 1843].

Важнейший тезис Тренделенбурга состоял в том, что в философии Гегеля нельзя различить систему и метод (что пытались делать Маркс и Энгельс, а также, например, Христиан Вайс) — они нераздельны в своей связи. Тренделенбург, однако, не ограничивается критикой и развивает собственное учение о категориях, основанное на опыте.

Базовой категорией для Тренделенбурга является категория движения, из которой выводятся производные от нее категории пространства и времени[1], движение также рассматривается как фундаментальный опосредующий момент между сознанием и миром, поскольку оно присуще и тому, и другому, что позволяет Тренделенбургу построить реалистическую философскую систему[2]. Разрабатывая собственный проект философии, он вводит понятие «*теория науки*» [Trendelenburg, 1870, I, S. 11], что делает его автором современного проекта философии науки как таковой, то есть дисциплины, которая имеет своим предметом не мир, а знание о мире, получаемое другими научными дисциплинами. Согласно Тренделенбургу, философская «логика» должна исследовать методы других наук, а «метафизика» — обобщать предметное знание прочих наук (из этого проекта рождается так называемая «эмпирическая метафизика» и представление о философии как наиболее общей из наук, которое затем проникает также в марксизм-ленинизм).

Тренделенбург выступает как сторонник исторической преемственности в философии: «Следует отказаться от немецкого предрассудка, состоящего в том, что философии будущего предстоит обнаружить некоторой сформулированный принцип. Этот принцип уже *найден*: он заключается в органическом мировоззрении, которое лежит в основании философии Платона и Аристотеля» [Ibid., IX]. Для Тренделенбурга — здесь он повторяет Фридриха Эдуарда Бенеке и предваряет аналогичные критические инвективы Отто Либмана — системотворчество немецкого спекулятивного идеализма, где каждая система претендовала на абсолютный характер, привело к профессиональной дискредитации философии: философия больше не рассматривается как наука, но трактуется как «элемент культуры» и связывается с областью «истории культуры или даже поэзии в национальной литературе» [Ibid., VIII]. Сам Тренделенбург, будучи последователем Аристотеля, выступает с лозунгом «Назад к Аристоте-

1 Такой подход в значительной мере предвосхищает научную революцию А. Эйнштейна, релятивировавшего пространство и время по отношению к мере движения — скорости.

2 Тренделенбург структурировал все философские течения как выражающие два «мировоззрения» — идеалистическое и реалистическое [Trendelenburg, 1870, II, s. 511 ff]. Это систематика Тренделенбурга утвердила понятие «мировоззрение» как ключевое при анализе философских доктрин.

лю!», положив начало моде на распространение подобных возвращений в немецкой философии[1]. Восстановление роли исторической традиции философии означало для Тренделенбурга также историзацию философской исследовательской деятельности. Эту историзацию он совершает, например, в своей «Истории учения о категориях», которые больше не являются положенными как замкнутая система категорий у Канта и не выводятся посредством некоей дедуктивно-образной логики из абсолютного начала, как у Фихте и Гегеля. Тренделенбург исследует категории исторически, начиная с античной философии и до современных ему авторов [Trendelenburg, 1846]. Историзация совмещена у него с филологизацией философии, то есть с внедрением в философию практик переводческой и текстологической работы. Тренделенбург создает стандартный учебник по логике для гимназий, переведя соответствующие фрагменты Аристотеля на латынь и немецкий[2]. Таким образом, именно Тренделенбург сформировал современный репертуар практик философской работы — исторических и филологических. Также он расширил медиальность возможного философского анализа; ему принадлежит, например, первый философско-исторический анализ фрески Рафаэля «Афинская школа» [Trendelenburg, 1871 (1843)][3], а также исследование, посвященное истории Кельнского собора [1871 (1853)].

К истористкой революции[4] в философии Тренделенбурга примыкает вторая важная трансформация, постепенно происходившая в немецкой научно-философской мысли в послегегелевский период. Речь о постепенном выдвижении на первый план языка как нового медиума философской проблематики, подготовившее после-

1 «Назад к Канту!» — Отто Либман; «Назад к Платону!» — Эрнст Лаас и др. Собственно аристотелизм Тренделенбурга и является, на наш взгляд, основной причиной его вытеснения из канона немецкой истории философии. После консолидации томизма (вслед за выпуском папой Львом XIII энциклики «Aeterni Patris» в 1879 г.), который в немецкой протестантской среде рассматривался как философская реакция католицизма на подъем неокантианского движения, Аристотель стал выступать как чуждый протестантизму философ. См. отрицательную характеристику Аристотеля, «преодоленного уже на греческой почве», у того же Р. Эйкена, ассоциирующего его с томизмом [Eucken, 1906, S. 141–142].

2 Учебник «Элементы логики Аристотеля» в переводе Б. Фохта (1937 г.) был недавно, наконец, издан [Тренделенбург, 2017]. См. также содержательное введение к нему М. Дёмина [2017].

3 Данный текст Тренделенбурга стоит у истоков целого жанра анализа этого произведения Рафаэля, сложившегося к настоящему времени. См. [Joost-Gaugier, 2002; Reale, 2008].

4 Парадоксальная характеристика возникновения историзма как «революции» принадлежит Фридриху Майнеке [2004 (1936), с. 5].

дующий «лингвистический поворот» аналитической философии языка. Современные историки философии уже в Вильгельме фон Гумбольдте видят автора, который осуществил перекодирования проблематики философии сознания и прежде всего философии Канта в языковую проблематику: «Язык есть единство субъекта и объекта» [Coreth et al., 1997, p. 116]. Однако это лингвистическое движение является более широким и глубинным. Можно, например, обратить внимание, что у ключевого методолога немецкой исторической школы — Иоганна Густава Дройзена — язык и языковые знаки играет фундаментальную роль в его герменевтической системе исторического познания: «Наш язык есть не что иное, как проявление (Äußerlichmachen) нашего внутреннего мира, непосредственный прорыв этой нашей духовной целостности, которая одновременно ощущает, сравнивает, судит, умозаключает и т. д.; мы можем сказать, что язык есть обретение плоти (Sinnlichwerden) нашим мышлением, мы мыслим лишь посредством языка» [Dreoysen, 1977, S. 25][1]. Напомню также, что проект сциентизации историографии, реализованный Дройзеном, происходил под мощным влиянием лекций по «Энциклопедии филологии» Августа Бёка, читавшихся последним в период 1809–1865 гг., среди слушателей был также и Дройзен.

Таким образом, историзация и филологизация философии, происходившая под влиянием Тренделенбурга, и глубинный поворот к языку, происходивший во всех основных историко-гуманитарных дисциплинах в период их научной консолидации в немецком университете XIX в., — вот два фактора, которые привели к рождению программы истории понятий. Ее автором является ученик и приятель Тренделенбурга — Рудольф Эйкен. Сам он следующим образом указывает на роль Тренделенбурга в этом процессе, точно определяя значение свершившейся историзации философии: «Существенный прогресс стал возможным только тогда, когда историческое исследование обрело самостоятельное положение наряду с собственно философским трудом. Когда встала задача актуализировать содержание прошлого по возможности объективно и документировано, выяснение специфических способов выражения отдельных мыслителей стало необходимым требованием, а здесь уже было недалеко и до идеи исторического рассмотрения терминологии. Если среди людей, возглавлявших это общее движение, выделить одну личность, то это будет не кто иной, как Тренделенбург. Хотя он нигде

1 К сожалению, мы не можем пользоваться существующим русским переводом лекций Дройзена по «Энциклопедии и методологии истории» [Дройзен, 2004 (1937)]. Издание, подготовленное Р. Хюбнером в 1937 г., весьма произвольно и не верифицировано критическим изданием П. Лейха 1977 г., содержит большое число принципиальных расхождений с ним.

не резюмирует историю терминологии, в важнейших пунктах он достаточно определил ее значение. В своем осмотрительном и проницательном исследовании отдельных вопросов он дал образец метода, которому необходимо следовать. На первом месте здесь стоят «Элементы логики Аристотеля» и «История учения о категориях», но также небольшие работы (как, например, статья «Некоторые свидетельства о *magna moralia* в сочинениях после Аристотеля») содержат множество точных и плодотворных замечаний. Наконец, своей готовностью в любом пункте исторического исследования входить в возникший вопрос он также существенно содействовал его распространению в научной работе» [Eucken, 1879, S. 5–6]1.

Проект исторического словаря философии Иоахима Риттера

В порядке введения в идею проекта истории понятий Иоахима Риттера подробно рассмотрим его «Предисловие» к первому тому «Исторического словаря философии» [Ritter, 1971][2]. Исторический словарь философии заявляется как продолжение «Словаря философских понятий» Рудольфа Эйслера, выпущенного в 1899 г., а к 1930 г. опубликованного уже четвертым изданием. Однако первоначальная задача, которая виделась инициаторам проекта нового словаря в Мюнстере как простое обновление существующего издания, оказалась невыполнимой. Для того чтобы словарь решал современную задачу вспомогательного средства и указателя для «преподавания в области философии», оказалось необходимым придать ему фундаментально новую форму. Это касалось номенклатуры словаря, поскольку оказалось, что старая терминология существенно изменилась, многие термины вышли из употребления в философии, другие, напротив, в нее вошли. Однако дело не только в номенклатуре. С тех пор, отмечает Риттер, произошли изменения в самой философии, которая не только дифференцировалась, но изменилось также ее самопонимание и положение в системе наук. Эйслер все еще исходил из того, что философия после завершения традиции немецкого спекулятивного идеализма приобрела преимущественно функцию теории познания, «оценки методики и результатов научного исследования» — в первую очередь исследований точных наук и психологии,

1 Помимо уже упомянутых выше работ Тренделенбурга Эйкен ссылается здесь также на эту статью: [Trendelenburg, 1867].

2 Это «Предисловие» уточняет и разворачивает его установочный текст «Главные идеи и основоположения исторического словаря философии», опубликованный за четыре года до этого в «Архиве по истории понятий» [Ritter, 1967]. О проекте словаря Риттера см. также [Румянцева, 2017, с. 30–35].

основанной на их методах. Хотя Эйслер не отрицал, что его словарь ориентируется на историческое развитие философских понятий, однако само его видение этой исторической перспективы было весьма определенным. Вслед за Огюстом Контом он считал, что философия в своем развитии проходит три этапа и сейчас вступает, наконец, в стадию «позитивной» науки. Следовательно, все ее методы, понятия и постановки вопросов, которые не входят и не могут войти в эту науку, обречены на то, чтобы остаться в прошлом.

Итак, с того времени ситуация значительно изменилась. Риттер указывает, что философия жизни, феноменология, экзистенциальная философия, а также обновление онтологических и метафизических постановок вопроса, которые произошли не без влияния различных традиций, связанных с неосхоластикой, а также новейшие направления, такие как герменевтика и критическая теория, — все они, несмотря на различия между собой, сходятся в том, что возвращают философии осознание того, что она обладает собственным предметом, отличным от того, который подготавливает и дает ей наука. История философии сегодня понимается не только как антикварное исследование, но становится позитивной актуализацией прежних философских течений — от античности до спекулятивного идеализма, в понимании теорий и понятий которых достигнута «небывалая точность», жизненно необходимая для языка и понятийного строя современной философии. «Мнимая стена между системой и историей философии стала проницаемой» [Ritter, 1971, S. 6], все, что вырабатывается в истории философии, включается в актуальное движение философской мысли. В свою очередь научно-теоретическая работа, связанная с задачами философии по развитию математической логики, развернувшаяся благодаря аналитической философии, вышла далеко за пределы прежней области теории познания. Речь идет о задаче имманентного фундирования научных высказываний, удовлетворяющего требованиям точности, выдвинутым новой логикой. Этот языковой и логический анализ научных высказываний трансформируется в конститутивное движение самой науки, становится ее собственным требованием. В то время как сама философия связана с понятиями своей собственной истории, опосредованными традицией, аналитическая теория науки принципиальным образом дистанцируется от исторической философии, связанной с «естественными» языками, она конституируется как исторически беспредпосылочная «строгая наука». Подобные нормативно ориентированные теории науки относятся критически к сциентистским тенденциям исторического самопонимания философии.

Дифференциация новых направлений философии разворачивается в новой ситуации: оно больше не происходит в рамках противопоставления господствующих (т. е. консервативных) и прогрес-

сивных тенденций. Это ведет к росту «философской релевантности» научного знания по отношению ко всем формам донаучного и вненаучного опыта, который имеет место в сфере познания действительности, опосредованного в настоящее время научным знанием. В таких областях, как религия, искусство, литература, а также в жизни общества и государства гуманитарные и социальные науки обладают сегодня не меньшим значением, чем естественные. Иными словами — так мы можем прокомментировать эту недостаточно артикулированную и развернутую мысль Риттера — произошла ценностная деполитизация научного знания, которое больше не кодируется в терминах «прогрессивного» или «реакционного», что все еще было общим правилом в XIX в.

Тем самым были сняты претензии какого-либо научного метода на монопольное выражение научной позиции в целом (точка зрения, свойственная позитивизму). Произошла не только плюрализация науки, но также расширилось проникновение наук, включая социальные и гуманитарные науки, во всевозможные социальные практики, опосредующие их взаимодействие с миром. Если учесть наличие указанного методологического плюрализма, становится понятным, почему Риттер считает, что задача современного философского словаря не может сегодня состоять в формулировании и постулировании некой нормативной точки зрения, придании единства различным философским направлениям. Он нужен для того, чтобы представить развитие философии в многообразии понятий и терминов и, насколько это возможно, тем самым сделать его транспарентным. Это важно также в силу того, что в процессе эмансипации различных естественных и гуманитарных наук от философии в них вошло множество понятий, принадлежавших философской области, которые изменили свою семантику в контексте этих дисциплин. Также по мере того, как познание и опыт в современном обществе все более опосредованы научным знанием, растет и число новых понятий и терминов, по отношению к которым философия является неизбежным медиумом осмысления. Сегодня, отмечает Риттер, нет однозначного критерия для отбора специальных научных понятий, обладающих философской релевантностью. Издатели словаря исходили лишь из того, что на отбор этих понятий не следует накладывать жесткие ограничения.

Что касается отдельных дисциплинарных блоков словаря, то в них постарались учесть всю терминологию современной логики и связанных с ней различных теорий научного знания; значительный блок отведен психологической терминологии, которая до XIX в. продолжала играть важную роль в философии. То же касается и теологической лексики, поскольку философия не только находится в постоянном взаимодействии с теологией, но также потому, что теологические понятия часто являются фоном и ключом к пониманию постановки

философских проблем и различным философским теориям. Также составители словаря включили в него ключевые понятия различных восточных философий, поскольку «философия больше не может пониматься только как европейская философия» [Ritter, 1971, S. 13].

Риттер определяет содержание словаря как «гетерогенное», что поднимает также вопрос о том, какому методу необходимо следовать при написании философских статей. Составители отказались от единого, общего для всех статей метода изложения (всего выделялось четыре типа статей в зависимости от характера термина, отличающегося скромной или, напротив, обширной историей и т. д.). Тем не менее словарь имеет отчетливо выраженный методологической профиль — это история философских понятий начиная с античности. Соответствующие статьи и составляют отличительную особенность «Исторического словаря философии», что, кстати, в отличие от большинства других словарей превращает его в самостоятельный научный источник. Это объясняется тем, комментирует Риттер, что при работе над такими статьями авторы часто получали новые результаты, которые не просто суммируют состояние предшествующих исследований по тому или иному вопросу, но превосходят их[1].

В написании словарей, отмечает Риттер, можно следовать тезису Декарта, который в XIII правиле для руководства ума указывает, что «если бы среди философов навсегда установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены» [Декарт, 1989 (1684), с. 129]. Именно такой картезианской стратегии следовал, например, при составлении «Технического и критического словаря по философии» Андре Лаланд (словарь выпущен в 1902–1923 гг.), который стремился, критически оценив различные значения некоторого понятия, предложить для него однозначную дефиницию, благодаря чему должна была сложиться философская терминология, имеющая международное признание. Подобное представление об использовании понятия, для которого идеалом «понятности» является однозначность термина и которое характерно для позитивистской теории науки, ориентирующейся на образец математической логики, состоит в напряженном отношении с исторически исследуемой философией и ее критическим сознанием, выносящим «языковые и мыслительные привычки на суд исторической традиции». Не позволяя языку вести себя за собой, это направление старается обрести «обоснованное историческое самопонимание», что «заставляет его

1 Ульрих Дирзе, который долгое время совместно с И. Риттером работал над изданием словаря, в нашей беседе, состоявшейся в Бохуме августе 2015 г., отмечал, что авторы статей в своих исследованиях часто выходили по объему за всякие разумные рамки, поэтому полноценные варианты подобных статей приходилось публиковать в «Архиве по истории понятий».

переходить от одной проблемы из области истории слов и понятий к другой», — цитирует Риттер Г.-Г. Гадамера [Гадамер, 1988 (1960), с. 42, 51]. Именно этой позиции исследования в области истории понятий обязаны своим развитием в последние десятилетия. «Пробужденные» Рудольфом Эйкеном, они, наконец, привели к тому, что Эрих Ротхакер начал в 1955 г. издание «Архива по истории понятий», который вплоть до его смерти издавался Академией наук и литературы в Майнце. Задача этого издания как раз и состояла в том, чтобы подготовить материалы для исторического словаря философии (после смерти Ротхакера издателями «Архива» становятся как раз Гадамер и Риттер).

Исследования в области истории понятий, отмечает Риттер, все еще находятся в самом начале своего пути, в основании содержат постановку вопроса, которая способна оказать воздействие «на саму идею философии». В эпоху, когда философия переживает трансформацию своих исторических позиций, эти исследования могут оказаться «долгосрочным философским проектом» (perennierende Philosophie), который сможет развиваться даже в ситуации противостояния различных направлений и школ. Они могут также привлечь внимание к исторической многосторонности предмета философии и выступать в роли критической рефлексии, которая противостоит «абстрактному» определению понятий, осознавая их историческое происхождение и формирование.

При этом задача словаря, по мнению Риттера, состоит не в том, чтобы занять какую-то позицию по отношению к противостоянию «картезианской» и исторической философии. Ориентация в области истории понятия должна быть определяющей там, где речь идет об осмыслении понятия в его истории и на основании этой истории, а также там, где необходимо установить связь между его современной функцией и историей[1]. Но своего подобающего описания заслуживают и такие понятия, для которых конститутивным является их извлечение и освобождение от истории. Поэтому, заключает он, было бы недоразумением полагать, что данный словарь является «словарем по истории понятий» («begriffsgeschichtliches Wörterbuch»). Это было бы неверной оценкой его задачи и в то же время чрезмерно завышало бы методические и содержательные требования к нему. Именно поэтому издание выпускается под на-

1 Иными словами, речь идет о понятиях, понимание которых невозможно без знания их исторических трансформаций. Невозможно понять глубину и масштаб той революции, которую произвела новоевропейская философия сознания, если не учитывать, какой семантический сдвиг по отношению к средневековой традиции был произведен Кантом применительно, например, к понятию «трансцендентальный». Это может установить только история этого понятия, из работ самого Канта мы этого никогда не узнаем.

званием «Исторический словарь философии». Это указывает на то, что философия и ее понятия являются здесь предметом рассмотрения в горизонте истории и их исторического «происхождения» (Herkunft), а исторический способ изложения выбирается там, где это необходимо и желательно для понимания некоторого понятия.

Основная методологическая идея, которой руководствовались создатели словаря при всей гетерономности его содержания и методологических подходов к написанию статей, состоит в том, что необходимо избегать перспективистского (standpunktlich) сужения и искусственного, фиктивного упрощения. Тем самым словарь порывает с традицией, которую можно проследить от лексиконов XVIII в. вплоть до Р. Эйслера. Согласно этой традиции, работа над универсальным словарем предпринималась одним человеком. Это требовало не только удивительной энергичности в сборе материалов и их ученом изложении. Предпосылкой того, что один человек в состоянии выполнить подобную работу, является прежде всего тенденция, согласно которой может быть реализована единая линия обоснования — будь то в смысле философии Просвещения, трансцендентальной философии или философии как теории познания, — и это обоснование становится единой критической нормой для многообразного материала. Но там, где такая предпосылка оказывается более невозможной, есть лишь один путь: излагать понятия не исходя из некоторой нормативной перспективы, словно бы «снаружи», но основываясь на содержательных (sachlichen) взаимосвязях, поручая их анализ тем, кто обладает пониманием соответствующего содержания. Иными словами, Риттер допускает широкий плюрализм форм написания статей, больше доверяя знанию специалистов, чем методологическим программам инициаторов проекта[1].

Разъясняя характер и содержание статей (только понятия и термины, отказ от статей, посвященных отдельным философам, и т. д.),

1 Эту позицию Риттера совершенно справедливо можно определить как непревзойденный здравомыслящий реализм. В области теории генерируется множество методологических программ разной степени блистательности, таких, например, как теория дискурсивных формаций Мишеля Фуко. Проблема, однако, заключается в том, что они непригодны для современных форматов исследовательской работы, которая часто является коллективной, и никогда не были выполнены (а, возможно, и в принципе невыполнимы) в рамках проектов, подобных «Историческому словарю философии». С высоты полувекового опыта различных проектов в области исторической семантики Гунтер Шольтц однажды заметил на одном из семинаров: «порой довольно резко проводят различие между традиционной *историей понятий* и новой *историей дискурса*. Но в научной практике эти различия нередко улетучиваются». При этом Штольц указал на случаи, когда один автор предоставляет сходные статьи в проекты, базирующиеся на различных методологических платформах [Шольтц, 2004].

Риттер комментирует также проект истории метафор Ганса Блюменберга, который «показал, что именно метафоры, сопротивляющиеся растворению в понятийности, обладают «историей в более радикальном смысле, чем понятия», и ведут нас к «субструктуре мышления», которая является «питательной средой систематических кристаллизаций»». Основание отказа от идеи включения в словарь таких метафор состоит в том, что при нынешнем состоянии исследований в этой сфере подобный подход налагал бы чрезмерные требования на словарь, поэтому «лучше не затрагивать область, с которой невозможно обойтись так, как должно, чем довольствоваться несостоятельной импровизацией» [Ritter, 1971, S. 9].

Если мы поставим методологические размышления Риттера в контекст истории его собственных идей, то можно сказать, что они вполне когерентны его пониманию тех основных функций, которые, согласно его теоретическим взглядам, в обществе модерна выполняет историко-гуманитарное знание вообще и историзованная философия, в частности. Эта идея, сформулированная Риттером в работе «Задачи наук о духе в обществе модерна», известна как «теория компенсации», она была воспринята и развита его учениками и последователями: Одо Марквардом и Германом Люббе. Согласно теории современности Риттера, специфика модерна состоит в том, что он порывает со своим «происхождением» (Herkunft) во всех сферах жизни. История не играет никакой роли для современной экономики, права и т. д. Однако тем самым в обществе модерна парадоксальным образом возникают условия возможности для бума исторического знания и историко-гуманитарных наук: «На конститутивной и неустранимой для общества модерна абстрактности и неисторичности основывается принадлежность к нему наук о духе. *Они развиваются на его почве, так как обществу необходимым образом требуется орган, который компенсирует его неисторичность, сохраняя открытым и актуальным для него тот исторический и духовный мир, который это общество должно оставлять вне себя*» [Риттер, 2003 (1963), с. 399].

Исходя из такого понимания, Риттер формирует и свое представление о философии, которая должна включать в рассмотрение систематических вопросов также компонент научно-исторического знания. Философия конституируется как историко-систематический способ анализа. Риттер, таким образом, критикует Эйслера и его словарь за рецидивы аисторизма, происхождение и философские корни которого сложились под влиянием психологистской теории познания своего времени[1].

1 Напомню, что подобная же аистористская установка — хотя и на других основаниях — характерна также для Эдмунда Гуссерля в период написания

Таким образом, проект «Исторического словаря философии» в той части, в какой он прибегает в своих основных статьях к методологии исторической семантики, является частью более широкого проекта Риттера по реконфигурации стандарта философской работы: философия конституируется здесь как единство исторического и систематического метода рассмотрения — это и есть современный стандарт профессиональной философской работы. Тем самым завершается оформление единства философии, хотя еще в начале XX в. в немецкой философской среде наблюдалась конфронтация «чистых философов» и «историков философии».

Завершая экспликацию проекта истории понятий и «Исторического словаря философии» Риттера, стоит обратить отдельное внимание на фигуру Эриха Ротхакера, который выступил как посредник своеобразного истористского ренессанса в эпоху Веймарской республики. В силу специфики последующего слома и изоляции Германии в эпоху национал-социализма мы все еще плохо представляем себе масштаб этого явления, хотя ряд ключевых трудов уже переведен на русский языке — это труды Эрнста Трёльча и Фридриха Майнеке по историзму [Трёльч, 1994 (1922); Майнеке, 2004 (1936)]. В ряду ключевых работ здесь находится и книга Ротхакера «Введение в науки о духе» [Rothacker, 1930 (1920)], к этому же ряду — несмотря на ярко выраженную политическую ангажированность — следует добавить труд Георга фон Белова «Немецкая историографии от эпохи освободительных войн до наших дней» [Below, 1924], а также трехтомное исследование по истории немецкой герменевтики XIX в. Йоахима Ваха. В этот период Германия заново открывает для себя историю своего собственного историзма, что находит выражение также в огромной работе по критическому изданию авторов XIX в. Наилучшее представление об этом прорыве, актуализировавшем и заново открывшем множество уже забытых к этому времени фигур, дает предисловие Эриха Ротхакера ко второму изданию указанной работы, где зафиксированы все основные издания такого рода, появившиеся в период после первого издания, то есть в 1920–1930 гг. Публикации работ и собраний сочинений Ницше, Кьеркегора, Маркса и Энгельса упоминаются здесь в обширном перечне наряду с изданиями и переизданиями работ Якоба Буркхардта, Йозефа фон Герреса, Фридриха Листа, Фердинанда Лассаля, Адама Мюллера, Фридриха фон Генца, Йозефа фон Радовица, Иоганна Якоба Бахофена и многих других. Тем самым, согласно Ротхаке-

работы «Философия как строгая наука» [Гуссерль, 2005 (1911)]. Содержащаяся там критика историзма напрямую продолжала размышления Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» [Ницше, 1909 (1876)].

ру, все яснее вырисовывается контур немецкой «*исторической школы*», в рамках которой произошел «расцвет наших наук о духе», что делает ее «самостоятельным и равноценным членом триумвирата наряду с нашей классической и романтической поэзией и идеалистической философией» [Rothacker, 1930 (1920), VI ff.].

Таким образом, проект Риттера выходит за пределы ограниченной задачи развития методологии исторической семантики (в данном случае в ее разновидности «истории понятий»). Фактически речь идет о фундаментальном синтезе историзма и систематической философии, основание для которого было заложено историзмом веймарского периода Германии. Когда Риттер замечает, что проект «Исторического словаря философии» способен оказать влияние «на саму идею философии», за этим действительно стоит грандиозный замысел. Когда он тут же говорит, что этот проект способен также нейтрализовать противостояние различных философских «школ», то за этим скрывается другая грандиозная задача — деполитизация философии; иными словами, речь идет о решении проблемы, которая остро осознавалась уже все тем же Адольфом Тренделенбургом[1]. Подобного рода политическая нейтрализация «школ» действительно постепенно произошла в Германии второй половины XX в. Объясняется это тем, что изменились институциональные формы философской работы: появились долгосрочные проекты, охватывающие огромное число участников, которые были поставлены перед необходимостью кооперироваться поверх и помимо своей «школьной», партийной ангажированности. «Исторический словарь философии» Риттера становится крупнейшим и наиболее долгосрочным во всей истории современной философии проектом такого рода[2].

1 «Нет ничего более губительного для науки, нет ничего более страшного для основательного и свободного исследования, чем страстное смешение философского и преходяще политического. Бросаясь в объятия партий, наука забывает *суть дела* (*Sache*), которую она должна возвышать до наследия, сохраняющегося на все времена, и становится приверженной современности; и вместо покоя и терпения трудных штудий она привыкает к беспокойству и нетерпению преходящих вопросов. Философия не должна изолироваться от времени, напротив, ее призвание — рассматривать его в перспективе вечного, избавлять от слепоты, вызванной хамелеоновой изменчивостью современности, искать и ясно выражать те идеи, которые постоянно в ней сохраняются» [Trendelenburg, 1843, S. 32].

2 Герберт Шнедельбах, обходя, впрочем, значение проекта Риттера в этом вопросе, разъясняет работу механизма деполитизации следующим образом. Школы, группирующиеся вокруг отдельных «великих ординариусов», таких как Мартин Хайдеггер, Теодор В. Адорно, Николай Гартман, Пауль Лоренцен или Карл Р. Поппер, «в конце концов распались, а именно в пер-

Риттер не стремился, как Р. Козеллек, использовать историю понятий как инструмент развития одной определенной теории — для Козеллека ею является идея «седлового», или «переломного», времени (Sattelzeit) — периода формирования общества модерна в течение столетия с 1750 по 1850 г.[1] У Козеллека, правда, можно найти также отсылки и к более обширной задаче структурирования исторических исследований вокруг метода исследования понятий, в особенности там, где он говорит: «история конденсируется в определенных понятиях и вообще становится историей по мере того и в том виде, как ее понимают» [Ibid., S. 38]. Однако в этой идее меньше оригинальности, чем можно было бы предположить. Козеллек лишь реактуализирует старую формулу Августа Бёка, который определил филологию как «теорию познания познанного, т. е. *понимания* вообще» [Böckh, 1877, S. 33]. Принципиальное же внимание к языку у таких осевых методологов историографии, как Вильгельм фон Гумбольдт и прежде всего Иоганн Густав Дройзен, находившегося под непосредственным влиянием метода классической филологии Бёка, опосредует линию влияния филологической идеи на методологию истории.

Более того, можно сказать, что в программе «истории понятий» в историографии мы наблюдаем любопытный эффект смены ракурса развития историко-герменевтической методологии. В той перспективе, в которой обычно рассматривается эволюция современной герменевтической методологии (Шлейермахер, Бёк, Дройзен, Дильтей, Хайдеггер, Гадамер), ее прогресс связывается с экспансией

вую очередь в силу изменений, произошедших в предъявляемых к философии научных требованиях, которые основываются теперь не на проектах, ориентированных на отдельных персон, а на проектах, ориентированных на определенные темы. Это обстоятельство подталкивало прежде всего молодое поколение к кооперации, выходящей за пределы школ. Таким образом, постоянно формировались новые круги, которые лишь посредством все более углубляющейся специализации могли убедить в том, что они действительно заслуживают вожделенных средств на исследования; одновременно возникали все новые специализированные философские общества и дисциплинарные журналы. Этот тренд усиливался также постоянно возрастающими требованиями к научной квалификации научного персонала; в силу огромной конкуренции требовалось демонстрировать блестящие знания в определенной области философии и при этом еще быть включенным в международные научные сети, чтобы иметь шанс получить профессорскую позицию; для универсальных дилетантов, каковыми молодым представляются их многие старшие коллеги, здесь больше нет места» [Schnädelbach, 2012, S. 8-9].

1 «Принципиальная исследовательская задача состоит в том, чтобы рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновение современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий» [Козеллек, 2014, с. 24].

этого метода за пределы анализа текстов — вплоть до превращения ее в фундаментальную аналитику человеческого бытия (Dasein) и интеграции онтологии и языка в герменевтике Гадамера. Что касается собственно исторической науки, то именно Дройзен распространяет историко-герменевтический метод на всю сферу созданных человеком артефактов — на все «что сформировали дух и рука человека, что они вылепили, чего коснулись» [Дройзен, 2004 (1868), с. 461 (§ 7)]. Внедрение в современную историографию метода «истории понятий» можно, таким образом, рассматривать как возврат к дисциплинирующей перспективе анализа текстов, что представляет собой своеобразное сужение области исторических исследований, их возвращение в ту предметную область, которой ограничивал свою теорию герменевтики Фридрих Шлейермахер. Происходит возвращение к «деталям» и отказ от грандиозных в своей интегрированности проектов XIX в., о чем, как мы увидим ниже, говорит также и Г. Люббе.

История понятий Германа Люббе

Основная теория понятий Люббе, равно и анализ функций истории понятий, изложена во введении к его работе «Секуляризация: история одного идейно-политического понятия». Секуляризация — одно из ключевых понятий, описывающих генеалогию современности и не утративших свою актуальность до настоящего времени[1]. Современность часто стремятся рассматривать как результат секуляризации.

Но работа, которую предлагает проделать Люббе, — это не одна из таких попыток, «она интересуется не непосредственно самой секуляризацией, а опосредованно тем интересом, который до сих пор вызывает тема секуляризации. Где то место, из которого исходит интерес к секуляризации? В каких ситуациях он возникает или сохраняется в качестве живого? Кто был за или против секуляризации, и при каких предпосылках к ней можно было относиться нейтрально или опосредованно? На эти вопросы здесь будет дан ответ. Методологически речь идет о историко-понятийном исследовании изменяющихся функций, которые «секуляризация» до настоящего времени играет как программа и пароль, как дескриптивная ка-

1 В своих докладах и текстах последнего времени Г. Люббе — в противоположность всему спектру классических социальных теорий модерна — указывает, что в обществе модерна именно религия является «победителем» (Gewinner). Все прогнозы, предполагавшие, что значение религии в обществах модерного типа будет неизбежно сокращаться, оказались несостоятельными.

тегория социальных процессов или как схема истолкования новоевропейской истории Европы, исходящая из задач критики цивилизации. Цель этой работы — просвещение. Она исходит из того, что использование актуальных в идейно-политическом отношении понятий не проходит без последствий. Тем самым человек примыкает к определенным группам и вызывается идти на определенные фронты. Человек становится агентом в «духовных сражениях эпохи». Тот, кто не стремится к этому, так как он ... заинтересован в нейтрализации этой борьбы, тому не следует неосмотрительно использовать понятие секуляризации» [Lübbe, 2003 (1965), XI–XII].

Таким образом, задача, которую Люббе ставит перед своим исследованием, состоит в просвещении, то есть в демонстрации того, на какие «фронты» нас мобилизует использование понятия «секуляризация». Это функция исторического исследования — в данном случае исследования истории понятий — была отрефлексирована в немецкой философии истории как эмансипаторная функция истории. Когда мы проясняем, как исторически возникла та или иная особенность нас самих — в форме общества, используемых понятий и т. д., — мы освобождаемся от догматической абсолютизации того, что представляется нам самоочевидным; иными словами, мы понимаем относительность того, что всего лишь результат исторической контингентности.

Вот как определяет эту функцию исторических исследований Дройзен: «Историческое исследование предполагает размышление о том, что и содержание нашего Я есть многократно передаваемый исторический результат становления ... Наше знание есть прежде всего знание воспринятое, полученное по наследству, наше и как будто не наше. Оно есть следующий шаг на пути к свободному самоощущению и свободному распоряжению этим знанием» [Дройзен, 2004 (1868), с. 467 (§ 19)]. Вильгельм Дильтей сформулирует эту мысль так: «История делает нас свободными, поскольку возвышает нас над возникающей по ходу течения нашей жизни обусловленностью воззрений на значение. Но одновременно значение теряет здесь свою определенность. Осмысление жизни делает нас глубокими, история — свободными» [Дильтей, 2004 (1927), с. 301]. С другой стороны, историческое исследование позволяет нам нейтрализовать скрытую ангажированность, к которой нас обязывает использование понятий, таких как понятие «секуляризация». Тем самым Люббе солидаризуется с той университетской традицией деполитизации, которая может быть прослежена от Тренделенбурга, включает доклад Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» (1919) и поддержана также проектом словаря Иоахима Риттера. В этом же направлении работает часть публикуемой статьи, где Люббе полемически адресуется к распространенной мыслительной привычке,

или софизму, который, вменяя ангажированность любой социально- или гуманитарно-научной теории, тем самым санкционирует подобную ангажированность и даже требует ее (см. здесь его анализ проблемы «беспредпосылочности», связанной в немецкой историографии с именем Теодора Моммзена). Такова наиболее общая прагматика исследования в области истории понятий, предпринятого Люббе.

Второй основной момент этого проекта по истории понятий состоит в том, что для Люббе он непосредственно возвращает нас к проблеме сциентизации философии в форме истории философии, то есть речь идет о философской рефлексии этой дисциплины: «Философия истории философии, — замечает Люббе, — молода. Она обязана своим появлением необходимости лишить силы возражение, которое история философии, по-видимому, сама выдвигает против себя. Почему философия не может поступать, как кажется, как другие науки — познавать познанное? Почему оказывается, что она постоянно находится в кризисе? Почему вместо продолжения стройки все время провал и начало нового строительства? Таковы вопросы, которые на рубеже XVIII–XIX вв. философия, понимающая себя как «система», ставила перед своей историей. Философия Гегеля является в своей существенной части ответом на этот вопрос. В гегельянской историографии философии XIX века пытались использовать этот ответ, занимаясь историческими исследованиями. Главный недостаток предпринятой попытки состоял в том, что с самого начала предлагалось фокусироваться на истории философии в целом; притязания были слишком всеобъемлющими, чтобы достичь убедительности в деталях. Поэтому в новых условиях обновленной аргументации историзма подобные притязания вызывали устойчивое противодействие. Дильтей застал их уже сломленными. Исследование в области истории понятий с самого начала исходит не из целого, а из детали» [Lübbe, 2003 (1965), S. 14–15].

Люббе, прекрасно представляющий характер дискуссий этого периода, формулирует проблему в терминах холизма первой половины XIX века, то есть в терминах «организма», который имеет часть и целое, и одновременно в терминах герменевтического круга, в рамках которого исследование осциллирует между «частями» и «целым». При этом он, находясь в своего рода полемике, например, с ранними текстами Вильгельма фон Гумбольдта, настаивавшего на примате целого над единичным в историческом познании[1],

1 См. самый ранний (1891 г.) набросок идеи исторической науки Гумбольдта «О законе развития человеческих сил», где он, в частности, говорит, что «человеческий дух» «неустанно ищет всеобщее, и стремится объединить

переносит акцент с исследования целого на исследование деталей, одновременно указывая на некоторую поспешность холистских программ историографии XIX в.

Люббе, формулируя задачи, функции и методологические акценты своей истории понятий, не выходит за пределы классической мысли немецкого историзма, нацеленного на сциентизацию истории. Однако далее он уточняет функцию собственно истории понятий, признавая свершившейся истористкую революцию в философии, против которой все еще протестовали Гуссерль и логические позитивисты: «Современная философия представляет собой, разумеется, в значительной части свою собственную историографию» [Ibid., S. 11]. Однако в каких случаях эти исследования приобретают именно характер истории понятий? Люббе рассматривает несколько возможных ответов на этот вопрос.

Можно, во-первых, полагать, что история понятий в состоянии решить задачу возврата нормативного значения тем понятиям, которые по какой-то причине утратили свое значение — им уже нельзя дать некоторую дефиницию, не обратившись к истории вопроса. Такое исследование имеет своего рода систематический замысел — заполнить пропасть между современной нормативной дефиницией понятия и его фактическим историческим генезисом, подкрепив тем самым его нормативный смысл. Именно такова функция исторического материала в словарях «картезианской», как определил ее И. Риттер, традиции лексикографии, простирающейся от лексиконов XVIII в. до словаря Андре Лаланда.

Однако, замечает Люббе, смысл философских понятий редко является результатом консенсусного решения по поводу его дефиниции: «В общем случае язык философии покоится на фундаменте актуальной обязательности в обыденном использовании этого языка». Иными словами, философские понятия — это по большей части не произвольные термины, они заимствуются из повседневного языка и обладают убедительностью лишь в той мере, в какой соответствуют употребления. Поэтому ««дефиницию», которую можно дать «значению» специального философского слова, в общем случае можно рассматривать как результат истории его употребления» [Ibid., S. 11-12]. Тем самым история понятия, которая описывает историю словоупотребления философских понятий, выступает в релятивизирующей функции (здесь Люббе ссылается на свою интерпретацию «Философских исследований»

единичное в некоторое целое, собрать рассеянные черты в единую картину и поставить перед своим взором Одно великое, нераздельное единство переменчивого хода всех судеб Земли и ее обитателей» [Humboldt, 1903, S. 87].

Витгенштейна). Такие исторические исследования противостоят попыткам дать понятию единственную дефиницию, показывая различия в его словоупотреблении, они историзируют, т. е. релятивируют, обязательность фактической дефиниции понятия. Тем самым история понятия ведет себя «скептически» в отношении значимости понятия «в контексте современной философской коммуникации».

Во-вторых, история понятий может выполнять и обратную функцию — стабилизировать понятия, утратившие свою определенность, попытаться подвести под новые правила словоупотребления те слова, которые погрузились в хаос произвольного использования. Это происходит в том случае, когда философские традиции приходят в упадок и континуальность философского словоупотребления прерывается. Тогда понятия превращаются в «общественное благо» — каждый использует его так, как ему угодно, «никто больше не несет ответственности за его единство и содержание» (подобную историю пережило понятие «диалектика» после заката гегельянства во второй половине XIX в.): «В такие эпохи своей истории понятия, теряя связь с актуальной традицией коммуникации, словно бы утрачивают господина» [Ibid., S. 13]. Задача истории понятий в такой ее функции — вернуть понятию, утратившему всякий устойчивый смысл, практичность в использовании.

Однако, замечает Люббе, в любом случае задача возвращения понятию новой дефинитивной обязательности — не цель истории понятий, а лишь ее побочный результат.

В чем же состоит ее цель, если считать историю понятий методом, релевантным задачам истории философии? Она позволяет понять, «как фактически протекает философская работа», что сама философия далеко не всегда осознает [Ibid., S. 14]. И здесь Люббе возвращается к проблеме, которую поставил Тренделенбург, требуя вернуть континуальность и историческую преемственность в философию. История философии может быть обращена против самой философии[1]. Почему она всегда находится в ситуации перелома, почему

1 То есть свидетельствует против состоятельности философии как науки, способной обладать преемственностью и развитием. Шлейермахер, вынужденный противостоять в ситуации прусской реформы университета начала XIX в. спекулятивному идеализму Фихте, впервые задействует этот аргумент, заставив историю философии свидетельствовать против самой философии в ее унитаристской форме единственной истинной «системы». Одна из задач философии, указывает он, состоит в том, чтобы «выявлять различия, выступающие друг против друга в одну и ту же эпоху». Это, добавляет он, «свойственно для философии и при этом оказывается лишь аргументом против философии (Polemik gegen die Philosophie ist), обнажая ее

она не может действовать так, как это, видимо, происходит в других науках, то есть не является — и здесь Люббе использует знаменитую формулу Августа Бёка — «познанием познанного»? Тем самым, полагает Люббе, мы возвращаемся к тем вопросам, которые встали перед философией на рубеже XVIII–XIX в. Гегелевская система была ответом на этом вопрос, а последующее гегельянство стремилось сделать этот ответ полезным в форме историко-философских исследований (forschend)[1]. Недостаток этой попытки заключался в указанных непомерных холистских амбициях и отсутствии внимания к деталям. Рассматривая случай за случаем, история понятий, напротив, делает зримой «работу понятия», которая ведет вперед прогресс философии» [Ibid., S.15].

Подойдя к этой точке размышлений о функциях истории понятий, Люббе дает краткий набросок своей теории понятий, которую можно квалифицировать как прагматическую и инструменталистскую. История понятий «предполагает, что понятия — это не вечные вневременные величины, но моменты категориальных контекстов, которые изменяются. Понятия в их соответствующем контексте (Zusammenhang) — это схемы ориентации и действия для практики и теории». «В определенном отношении, — указывает он, — их можно сравнить с картами, которые посредством своих цифр, знаков и символов позволяют человеку ориентироваться даже тогда, когда они неточны. «Картина» действительности, которую они дают, как таковые имеют своим основанием не «действительность»; они, скорее, выступают как функция теоретической и практической цели, которой они служат» [Ibid., S. 16].

слабость» [Schleiermacher, 1964 (1808), S. 240]. К сожалению, существующий русский перевод трактата Шлейермахера об университете [Шлейермахер, 2014 (1808)] не является полным, не свободен от ошибок и стилистически неудобочитаем.

1 Здесь Люббе имеет в виду то, что — под влиянием левой традиции историографии — обычно называется «правым гегельянством», хотя точнее было бы говорить в данном случае просто о гегельянстве. Речь здесь идет об Иоганне Эдуарде Эрдмане и Куно Фишере. Сюда же следует добавить, разумеется, и Карла Розенкранца. Возвращаясь постоянно к Гегелю, Люббе, на мой взгляд, его модернизирует из перспективы дальнейшего развития гегельянства. В актуальных для того времени фронтах академической полемики Гегель, как и другие представители спекулятивного идеализма, выступали как дисконтинуисты. Несмотря на то что Гегель интегрирует историзм в свою систему (как в рамках истории философии, так и в рамках философии истории), он продолжает быть дисконтинуистом, претендуя на исключительную новизну своего метода. Тренделенбург, напротив, стремится восстановить и учредить континуальность философии в рамках ее фактических методов и используемых эпистемологических средств.

Открытие подобной трактовки понятий Люббе возводит к Гегелю: «Понятия изменяются, и изменяются не только в силу изменения действительности, к которой они относятся, но также равным образом по причине опосредованной практикой трансформации системы отношения к действительности, моментами которой они являются, — вот та точка зрения (Einsicht), достижение которой означает решительный философский шаг вперед. Гегель был тем, кто сделал из нее систематические выводы» [Ibid., S. 17].

Затем Люббе переходит к замыслу своего собственного исследования понятия «секуляризация», которое является частным случаем категории понятий, которые он называет «идейно-политическими». Философская история понятий исследует не только основные понятия старой философской традиции или всевозможные вспомогательные понятия. Она должна рассматривать «прежде всего те понятия, которые являются посредниками между философией и практикой жизни, политическими и духовно-идеологическими сражениями своей эпохи». Философия не всегда ограничивается эзотерическим интересом к теории, но также стремится оказывать практическое воздействие, «ее идеологизация и превращение в мировоззрение (Verweltanschaulichung) — таковы лишь классические формы этого подчинения философии политическим или морально-практическим целям» [Ibid., S. 18].

Разумеется, признает Люббе, ссылаясь при этом на речь М. Вебера «Наука как призвание и профессия», теория далеко не всегда подчиняет себя политическим целям и интересам, она обладает определенной дистанцией по отношению к практике. «Но эта дистанция, образующая жизненно важный элемент теории и составляющая условие ее свободы, имеет различную степень. Теория сама есть форма практики, и ее законы аналогичным образом действуют и по отношению к ней. Даже если философия не захвачена прямо какой-то политической партией, ее собственной практике известны партийные позиции, фронты, между которыми, по аналогии с политическими фронтами, разворачиваются сражения за господство. Эти сражения имеют свою формальную социологическую и социально-психологическую сторону, выраженную в споре школ, в конкуренции персон и институций, где речь идет о самоутверждении, влиянии и даже о господстве — и в науке все это имеет место так же, как и в любой другой сфере. В таких сражениях наука, поскольку ее субъект — чистый разум, не является независимым от индивидуальной экзистенции исследователя, платит пенни человеческой природе этой экзистенции, которая есть факт, но никогда не норма» [Ibid., S. 18–19].

Если же эта борьба разворачивается не за господство индивидов и групп, а за власть и господство идей, то ее можно назвать «духовной борьбой» (Geisteskampf). Даже если такая борьба развертывает-

ся в сфере литературной или академической эзотерики, далекой от реальной политики, в этой сфере также действует политическая логика. «Стиль философствования утрачивает силу аргумента и становится вероисповедательным. Место объяснения вещей занимает изъявление воли, выступающей «за» или «против». Страсть разума превращается в страсть ценности и позиции. Не напряжение понятия определяет процесс, а стремление «собрать души» вокруг него. Понятие становится паролем, «идеей» в смысле идеализма, которая становится конституцией души, действующей во имя идеи, а не интересов или потребностей (представители мировоззренческого материализма были, как известно, идеалистами в этом же смысле). Философия как духовная борьба, которая вызывает к жизни подобных идеалистов, становится идейно-политической практикой» [Ibid., S. 20]. Вместе с тем меняется и вокабуляр философии, она объявляет о «собирании душ» (Р. Эйкен), о «годах решения» (О. Шпенглер), — именно в этом репертуаре идейно-политической борьбы были развернуты также «идеи 1914 года».

Прогресс философии, добавляет Люббе, редко достигается в стихии подобной идейно-политической борьбы. «Понятия, идеи, которые функционируют в этих сражениях в качестве паролей, дифференцированы не более, чем фиксированные символы собственной или противостоящей позиции» [Ibid., S. 21]. Раскрыть механизм работы такой идейно-политической трансформации — это и есть для Люббе функция историко-понятийного исследования, выполняющего, напомним, эмансипаторную функцию «просвещения». Оно показывает, «как определенные понятия, по крайней мере в определенных ситуациях, в меньшей степени работают на возрастание теоретической способности разума, чем на готовность воли подчинить себя идейно-политическому ангажементу и занять некоторую позицию. Оно позволяет узнать, как определенные понятия приобретают значение в истории философии и истории духа потому, что они обладают не столько силой вскрывать действительность, сколько провоцируют формирование идейно-политических фронтов, который формируются вокруг них» [Ibid., S. 22].

Проект исследования «идейно-политических понятий» сложился у Люббе, очевидно, в ходе исследований немецкой политической философии [Lübbe, 1963]. Здесь он, в частности, обращается к анализу философии Рудольфа Эйкена, яркого представителя движения за «научное мировоззрение»[1]. Это движение имело как материали-

1 В настоящее время в России мы имеем возможность наблюдать работу сходного феномена — движения разного рода популяризаторов науки за «научное мировоззрение», выступающее обычно в форме натурализма,

стическое крыло (Л. Бюхнер и т. д.), так и идеалистическое, представленное тем же Эйкеном, отличающееся склонностью к культуркритике современности с позиции моралистического идеализма. Герман Люббе относит популярнейшую в свое время работу Эйкена «К собиранию душ» [Eucken, 1914] к образцовым вариантам философии, трансформировавшейся в «духовную борьбу» и «идейно-политическую» практику [Lübbe, 2003, S. 21][1]. И здесь возникает крайне любопытная перспектива на длительные тренды немецкой философии XIX-XX вв., действующие даже помимо прямой линии преемственности традиции (насколько мне известно, Люббе никогда не занимался философией Тренделенбурга). Дело в том, что Эйкен был не только автором проекта «истории понятий», который венчает эпоху «старого историзма», соединяя в себя импульсы историзации и филологизации философии Тренделенбурга. При этом он является также прямым оппонентом Тренделенбурга, который настаивал на необходимости деполитизации философии, освобождения ее от «партий» и «партийности» (например, всю свою работу «Введение в историю философии» он структурирует как анализ «партий» и «партийности» в философии).

Глава, в которой Эйкен исследует и разворачивает своего рода апологетику партийности, помещена — в этом, видимо, был его иро-

---

или — в области биологии — эволюционизма Ричарда Докинза (современное переиздание эволюционизма Эрнста Генриха Геккеля). В XIX и начале XX века у этого движения (в немецком контексте развернувшемся после поражения революции 1848 г.) существовал мотивационный подтекст, состоявший в следующем. Движение за «научное мировоззрение» — это, по сути, программа внутренней реформы общества, но не на основе политических преобразований, доступ к которым в Германии был по большей части закрыт или ограничен, а на основе преобразования общества посредством науки и научного образования (посыл, сохраняющийся вплоть до программы «научного мировоззрения» венского логического позитивизма). Николай Лесков в злой форме затрагивал подобную мировоззренческую инструментализацию науки в своем романе «На ножах». Содержательный вопрос, связанный с появлением современных форм проповедничества «научного мировоззрения», состоит, на мой взгляд, в прояснении того, какие фундаментальные причины приводят к современном мире к актуализации подобных идейно-политических фронтов борьбы, превращающих понятие «научного метода» в своеобразный идеологический пароль. При этом по отношению к аналогичным движениям XIX в. современные их формы имеют ярко выраженный реликтовый характер, который, разумеется, не замечается участниками подобных движений в силу обычной для сторонников «научного метода» исторической неосведомленности.

1 Анализ «спиритического экзистенциализма» Эйкена, который даже приобрел институциональную форму своеобразной секты, см. [Lübbe, 1963, S. 178–188].

ничный замысел — в раздел, который посвящен «Памяти Адольфа Тренделенбурга» [Eucken, 1906, S. 126–156]. Возможно, этот анализ партийности Эйкена также был одним из факторов, стимулировавших Люббе разработать аналитическую теорию трансформации философских понятий в понятия «идейно-политические», выступающие уже не как понятия, а как «пароли» в идентификации идеологических фронтов.

Если взглянуть на место этой теории в контексте философской деятельности Люббе, то можно сказать, что анатомия «идейно-политических» понятий является частью его анализа ангажированной теории, которой он оппонирует и которую отождествляет прежде всего с левой «критической теорией» и фигурой ангажированного «интеллектуала». Люббе никогда не отрицал способности теории включаться в работу идеологической прагматики, он стремится понять, при каких условиях философия, история или социальная теория могут распознать и тем самым нейтрализовать эту ангажированность[1]: теория истории понятий как «просвещения» — один из таких аналитических подходов. Именно это устанавливает прямую преемственность его идеи истории философии как истории понятий с традицией Адольфа Тренделенбурга и его программой деполитизации философии в форме критики ее «партийности». Эта преемственность проявляется не только в стремлении к аналитическому распознанию ангажированной теоретической партийности, а тем самым и в возможности эмансипации от нее, но и в других особенностях его концепции истории понятий, в которой он видит ресурс для заявленной Тренделенбургом программы поддержания континуальности философской традиции в форме историко-философских исследований.

Периодизация немецкого философского историзма

На основании истории возникновения и становления программы истории понятий в философии мы позволим себе предложить следующую типологию немецкого философского историзма.

Первый («старый») немецкий историзм представляет собой широкое течение по сциентизации формирующихся историко-гуманитарных дисциплин в начале XIX в., затронувшее также и философию. В ней он был представлен как (правыми) гегельянцами, развернувшими широкие историко-философские исследования, так и Адольфом Тренделенбургом, не только историзировавшем философскую работу, но и филологизировавшем ее, что также открыло

1 Ср., например, его различие «объективности обоснования» и «объективности консенсуса» в исторических исследованиях [Люббе, 2016, с. 187–189].

возможность для появления первой программы истории понятий Рудольфа Эйслера в конце 1870-х годов.

Вторая волна историзма связана с истористским ренессансом веймарского периода Германии, когда не только были написаны основные работы, посвященные феномену историзма и истории становления «наук о духе». Также в этот период происходит массовая публикация авторов XIX в., представляющих истористскую и связанную с ней романтическую традицию. Опосредующие фигуры между первым и вторым периодом — ученики Адольфа Тренделенбурга — Вильгельм Дильтей и Рудольф Эйкен.

Третья волна историзма начинается во второй половине XIX в. и принимает форму различных программ историй понятий, в философии это программы Иоахима Риттера и Германа Люббе. Опосредующая фигура между второй и третьей волной историзма — Эрих Ротхакер.

Теория понятий Люббе в практике историко-семантических исследований

Применительно к практическим вопросам использования теории понятий для исследований в рамках методологии исторической семантики — а именно этим понятием сегодня объединяются различные методологические платформы в этой сфере (история понятий, история дискурса и т. д.) — я отмечу несколько моментов, которые не являются очевидным следствием из текстов самого Люббе, а также связанных со спецификой российского языка публичной дискуссии. Разумеется, есть и очевидные моменты, связанные с его теорией борьбы за именование, — мы наблюдаем эту борьбу в СМИ. Например, в определенный переломный момент слово «война» применительно к Чечне было заменено «антитеррористической операцией», мы наблюдаем ее и сегодня в виде конфликта именований разных стран в отношении Крыма и т. д. и т. п. Теория именования Люббе дает нам хороший аналитический инструмент для понимания механизмов этой борьбы. Но есть менее очевидные моменты.

В методологии истории понятий Р. Козеллека существует сложная проблема, связанная с введенным им различением «понятия» и «слова». В предисловии к первому тому «Словаря основных исторических понятий» он определяет это различие следующим образом: «Значение слова всегда указывает на означаемое, будь то мысль или вещь. ... Слово может становиться однозначным, так как оно многозначно. Понятие же, напротив, должно оставаться многозначным, чтобы оно могло быть понятием. Понятие привязано к слову, но вместе с тем оно больше чем слово. Слово в нашем методе становится понятием, если в него целиком вмещается вся полнота обществен-

но-политического контекста значений, в котором и для которого употребляется это слово» [Козеллек, 2014, с. 37]. Это описание, разумеется, является неудовлетворительным. Каким образом в понятие «целиком вмещается вся полнота общественно-политического контекста значений, в котором и для которого употребляется это слово», — понять решительно невозможно. Сам язык этого описания напоминает, скорее, метафоры историков XIX столетия[1], чем анализ, основанный на инструментах, полученных в современных исследованиях языка. Козеллек затем предпринимал усилия по уточнению этого различия[2], хотя продолжал придерживаться той идеи Фридриха Ницше, которая и, видимо, и была источником ее интуиции: «все понятия, в которых семиотически резюмируется процесс как таковой, ускользают от дефиниции; дефиниции подлежит только то, что лишено истории» [Ницше, 1990 (1887), с. 457].

Безусловно, эта метафора справедлива, если мы говорим о понятиях, для полноценного понимания которых необходимо знать их историю. Но дело в том, что понятия вмещают «всю полноту общественно-политического контекста значений» лишь для метавзгляда историка, завершившего свое исследование. В своем употреблении в высказываниях, которые является предметом такого исторического исследования, понятия — как и любые слова и языковые знаки — обладают однозначностью, мнимо многозначными они являются лишь в силу эквивокативности [Гуссерль, 2001 (1901), с. 60 и далее] [3].

1 Такие формулировки встречаются в доходящем до эзотеризма тексте «Очерка историки» Дройзена, ср.: «Любая точка в нашем настоящем есть результат становления. То, чем она была и как она становилась, прошло; но ее прошлое идеально заключено в ней» [Дройзен, 2004 (1867), 460 (§ 6)].

2 Например, в сборнике 1979 г., где была опубликована его статья «История понятий и социальная история» [Koselleck, 1979].

3 Основоположник феноменологической семантики в данном случае солидаризуется с основоположником аналитической философии языка — Готтлобом Фреге. Последний не отрицает, что выражения обладают характеристикой, которую он называет «нюансы в окраске и оттенках» [Фреге, 2000 (1892), с. 233], благодаря чему они вызывают у людей различные и неизбежно колеблющиеся психологические представления, что и делает соответствующие выражения «многозначными». Однако Фреге, признавая их значения в области поэзии и литературы, отказывался рассматривать эти всевозможные «представления и восприятия», считая их смутной и необъективной сферой внутренних психологических переживаний. Ролан Барт позднее открыл эти «оттенки» в качестве феномена «коннотации» знаков, хотя в случае Барта речь идет об устойчивых ассоциациях массового индустриального общества, то есть, о сравнительно устойчивой в то время области социальной психологии.

Затронутый здесь Козеллеком вопрос играет, однако, решающее значение для прагматики историко-семантических исследований. Интуиция Козеллека верна: мы не можем исследовать все слова, какие бы инструменты нам ни предлагали современные «digital humanities». То, что Козеллек называет понятием, имеет выделенный семантический статус. Что является основанием фиксации этого статуса? Безусловно, составители номенклатуры «Словаря основных исторических понятий» едва ли могли ошибиться в своем выборе, опираясь на те понятия, которые фиксирует предшествующая традиция историографии. Но что делать, когда за проектом исследования не стоит столь почтенной традиции, когда мы работаем не с такими первостатейными понятиями? Концепция Люббе, рассматривающая понятия как продолжение определенного рода прагматики — эпистемологической, социальной, политической, — дает для ответа на этот вопрос методологическое указание, которое легко операционализируется в практике историко-семантических исследований. При нахождении «понятий», отличающихся от обычных «слов», следует ориентироваться на ситуацию семантического спора или конфликта. Этот конфликт может включать и научную полемику, и борьбу различных стратегий «именования», имеющих социальную и политическую природу, и, наконец, «идейную борьбу», где понятие утрачивает свою рациональную функцию расширения «теоретической способности разума», и превращается в пароль различных идейно-политических фронтов. Поначалу эта борьба может разворачиваться в эзотерическом кругу отдельных интеллектуалов, но затем она, как мы знаем, способна иметь колоссальные политические последствия для масс, поскольку борьба здесь не за господство индивидов и групп, а за власть и господство идей.

Эти конфликты по поводу понятий сопрягаются с различными социальными группами — научными «школами», отдельными общественными группами, стремящимися закрепить свой социальный статус, политическими массами, которые посредством идейно-политических понятий структурируют себя и своих противников. Рассматривая понятия как прагматические инструменты, теория понятий Люббе строится исходя из такой онтологии, которая с самого начала снимает «трудную проблему» исторической семантики, касающейся связи истории понятий и социальной истории: между словами и делами здесь нет барьера, поскольку первые являются формой и продолжением вторых.

Отталкиваясь от этой идеи о центральном значении борьбы и конфликта в истории понятий, я позволю себе кратко развить ее в двух направлениях за пределы ее разработки у самого Германа Люббе. Одно из них имеет общий характер, второе связано со спецификой российского политического языка.

Если мы хотим вычленить «основное понятие», то в эмпирическом массиве текстов определенной эпохи нам необходимо искать следы того конфликта, который можно назвать борьбой за семантическое определение понятия. То есть наличие дискуссии о «правильном» семантическом определении понятия «государство», или «патриотизм», или «гражданин» является свидетельством того, что мы имеем дело именно с понятием в смысле Козеллека, а не просто со «словом» или «термином». Эта дискуссия может быть социально масштабирована до узкого круга научного сообщества и обсуждения понятия «сознание» или «личность», но именно наличие такой борьбы за семантическое определение и сигнализирует о том, что мы имеем дело с понятием. Слова часто долго не являются понятиями, но становятся таковыми лишь в какой-то момент.

Например, в русском педагогическом дискурсе понятие «личность» поначалу было просто словом: в педагогических контекстах оно используется начиная с Николая Карамзина, употребляется Иваном Ястребцевым, Степаном Шевыревым и т. д. Его смысловые парадигмы меняются, но все же это пока что слово, новый термин в русском языке. Понятием оно становится только в эпоху рождения русской педагогики как науки, когда по поводу его определения возникает спор между Константином Ушинским и Александром Нечаевым в связи с проблемой свободы воли[1].

Что касается российского политического языка, то теория истории понятий Люббе позволяет высветить две его специфические особенности. Сформулирую их как рабочие гипотезы. Во-первых, в современном общественно-политическом языке все основные политические понятия *не* являются предметом борьбы за их семантическое определение. Они функционируют именно как «пароли», которые мобилизуют и маркируют идейно-политические фронты, поэтому они, по выражению Люббе, «дифференцированы не более чем фиксированные символы собственной или противостоящей позиции». Такие понятия, как «патриотизм», «национализм», «либерализм», «демократия», «консерватизм» и т. д., не являются предметом дискуссии. Они представляют собой ярлыки, а не понятия

1 Здесь я вынужден сослаться на свое неопубликованное обширное исследование «Семантика «личности» в русской педагогике XIX — начала XX вв.», которое было выполнено в рамках упомянутого проекта «Личность-субъект-индивидуум. Философские концепты «персональности» в истории немецко-русских культурных связей». К сожалению, наши немецкие коллеги все еще не опубликовали результаты этого, насколько мне известно, самого масштабного по числу участников и наиболее тематически сфокусированного исследования по истории понятий в России, реализованного уже более 10 лет назад.

публичного дискурса в том виде, как это характерно для модерновых обществ, где они выступают также как предметы спора за их семантическое определение[1]. Таким образом, можно заключить, что в российском публичном общественно-политическом языке нет никаких «основных понятий», поскольку не существует полемического разнообразия семантических определений подобных понятий.

А что же есть? Понятия из основной политической номенклатуры модерна, используемые в качестве паролей собственных и чужих позиций, представляют собой своего рода ресурс для аккламации принадлежности к одной группе и тем самым противопоставления себя другим группам[2]. Поэтому они не имеют практически никакого содержания и определенного смысла, выступая лишь как маркеры, позволяющие произвести разметку определенных групп в их противостоянии. Задача социологического исследованиях состояла бы в том, чтобы, исследуя механизм работы подобных понятий, прояснить логику социального действия стоящих за ним групп и индивидов[3].

Современный российский политический язык обладает также следующей специфической особенностью. В нем разворачивается конкуренция определенных групп (обычно называемых «экспертными») за право обладать привилегией толкования понятий и высказываний, озвученных политическим гегемоном (для простоты

1 Существуют, разумеется, работы, например А. Руткевича и Л. Ионина [Руткевич, 1999; Ионин, 2010], в которых разъясняется смысл того, что представляет собой в данном случае содержание понятия «консерватизм». Но эти работы нацелены на решение как раз задачи идейно-политической консолидации, это не история понятия в указанной Люббе функции «просвещения». Вокруг этих попыток нет также никакой дискуссии: ни «либеральный» или «левый» лагерь не претендует на то, чтобы каким-то образом вступить с ними в состязание за иное семантическое определение этого понятия. Парадокс состоит также в том, что идеологические публицисты, идентифицирующие себя в качестве «консерваторов», по большей части не подпадают под подобные все же исторически квалифицированные попытки придать определенный смысл данному понятию.

2 Тут можно усмотреть аналогию с теорией ресурсного государства Симона Кордонского [2007], только в данном случае мы имеем дело не с материальным и финансовым, а с символическим ресурсом: лидеры подобных групп осуществляют «раздачу» этого символического ресурса в форме наделения своих или других групп и индивидов определенными символическими характеристиками, ожидая отдачу, которая ближайшим образом принимает форму определенного типа дискурсивного поведения.

3 Разумеется, областью политического языка эта проблематика не ограничивается. Например, подобным же образом функционирует понятие «научный метод» у современных неонатуралистов и неодарвинистов (см. выше, ссылку 36).

ограничимся примером центральной инстанции). Можно назвать это конкуренцией за привилегию выступать толкователем языка власти. Существуют институты, которые являются площадкой для озвучивания подобных высказываний. Это прежде всего ежегодное Послание президента Федеральному собранию. Послания связаны так или иначе с повесткой каких-то реформ и планов будущих преобразований к лучшему. После того как эти планы озвучены, начинает работу указанный механизм: различные интеллектуальные центры вступают в борьбу за право обладать привилегией толкования озвученных понятий. Осуществляется это посредством их семантического доопределения. Эти центры, если опустить многочисленных публицистов, также вовлеченных в этот процесс (так называемые «кремлеведы»), представляют собой устойчиво институционализированные или ad hoc сформированные «think tanks» (ЦСР, Изборский клуб, Столыпинский клуб и т. п.).

Когда, например, в 2009 г. Дмитрий Медведев объявил в своем послании, что стране необходима всесторонняя модернизация, это вызвало следующий эффект: подобные экспертные группы принялись семантически доопределять это послание, производя конкурирующие между собой тексты, в которых описывалось, какая модернизация нужна и в чем именно она должна состоять. Можно предположить, что подобная особенность является следствием трансформации (или полураспада) той модели функционирования политического языка, которую Алексей Юрчак описал и теоретически интерпретировал как феномен «авторитетного дискурса» [Юрчак, 2016, с. 90 и далее]. С одной стороны, здесь очевиден принцип сохранения лояльности озвученным и введенным в повестку дня понятиям, что можно квалифицировать как церемониальное поведение по отношению к институту власти[1]. С другой стороны, семантическая недоопределенность этих понятий позволяет конкурирующим группам экспертов состязаться за право их истолкования. Это поведение также требует прояснения своего социологического смысла, связанного, как можно предположить, с экспертной борьбой за ресурсы, лоббистскими интересами каких-то групп, выступающих за ту или иную интерпретацию очередных программ преобразований, и т. д.

Отдельный вопрос, разумеется, заключается в том, каким образом эти понятия оказались в высказываниях политического гегемона. Здесь также в какой-то мере задействованы все те же экспертные центры, к которым добавляются также непубличные аналитиче-

1 Именно так в терминах организационного институционализма можно также концептуализировать феномен, зафиксированный Юрчаком см. [Мейер, Роуэн, 2011].

ские институты военных и силовых ведомств. Однако этот вопрос, на мой взгляд, смогут по-настоящему прояснить только историки будущего, которые получат в свое распоряжение мемуары тех, кто был непосредственно вовлечен в эти процессы. Если рассматривать существование двух этих сторон как определенного рода экономический цикл символического производства и потребления, опосредованного инстанцией высказывания гегемона, то для поддержания его стабильности и сбалансированности было бы необходимо, чтобы ни одна из групп не получала монополию на производство высказывания, поскольку она же окажется и его монопольным потребителем, заранее подготовленным к роли основного толкователя. Лишь создание конкуренции и гетерогенности на входе будет поддерживать конкуренцию и гетерогенность на выходе.

Библиография

Бедекер Х.Э. (ред.) (2010) *История понятий, история дискурса, история метафор*, М.: НЛО.

Гадамер Х.-Г. (1988) *Истина и метод: Основы философской герменевтики*, М.: Прогресс.

Гуссерль Э. (2001) *Логические исследования. Т. 2. Исследования по феноменологии и теории познания*, М: Дом интеллектуальной книги.

Гуссерль Э. (2005) *Философия как строгая наука. Избранные работы*, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 185–240.

Декарт Р. (1989) Правила для руководства ума. *Сочинения в 2 т. Т. 1,* М.: Мысль: 77-153.

Демин М. (2009) *«Теория науки» Адольфа Тренделенбурга в контексте университетской философии Германии XIX века*: Дис. ... канд. филос. наук, СПб.

Демин М. (2017) «Элементы логики Аристотеля»: между школьной дисциплиной и университетской наукой. *Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля*, М.: Канон + РООИ «Реабилитация»: 7–87.

Дильтей В. (2004) *Собр. соч. в 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе*, М.: Три квадрата.

Длугач Т. (1996) Логические исследования Адольфа Тренделенбурга. *АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара*. Вып. 2, М.: РГГУ: 233–267.

Дройзен И.Г. (2004) Очерк историки. *Историка*, СПб.: Владимир Даль: 450–573.

Дройзен И.Г. (2004) Энциклопедия и методология истории. *Историка*, СПб.: Владимир Даль: 41–448.

Ионин Л. (2010) *Апдейт консерватизма*, М.: Изд. дом ВШЭ.

Козеллек Р. (2014) Введение. *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2 т. Т. 1*, М.: НЛО: 23–44.

Кордонский С. (2007) *Ресурсное государство*, М.: REGNUM.

Куренной В. (2007) К постановке проблемы персональности в русском педагогическом дискурсе середины XIX — начала XX вв. *Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге*, М.: Модест Колеров: 294–306.

Куренной В., Румянцева М. (2016) *Философия культуры Германа Люббе. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем,* М.: Изд. дом ВШЭ: VII–XXIV.

Лёвит К. (2002) *От Гегеля к Ницше: Революционный перелом в мышлении XIX в.,* СПб.: Владимир Даль.

Люббе Г. (2016) *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем,* М.: Изд. дом ВШЭ.

Майнеке Ф. (2004) *Возникновение историзма*, М.: РОССПЭН.

Мейер Дж., Роуэн Б. (2011) Институционализированные организации: Формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*, 12 (1): 43–67.

Ницше Ф. (1909) Несвоевременные размышления. Ч. 2. О пользе и вреде истории для жизни. *Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2*, М.: Московское книгоиздательство: 85–178.

Румянцева М. (2017) *Концепция модерна в школе Иоахима Риттера*: Дис. … канд. филос. наук, М.

Руткевич А. (1999) Что также консерватизм? М.: Университетская книга.

Трёльч Э. (1994) *Историзм и его проблемы*, М.: Юрист.

Тренделенбург А. (1868) *Логические исследования. В 2 т.,* М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова.

Тренделенбург А. (2017) *Элементы логики Аристотеля*, М.: Канон + РООИ «Реабилитация».

фон Савиньи Ф.К. (2011) О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции. *Система современного римского права*. Т. I, М.: Статут: 128–207.

Фреге Г. (2000) О смысле и значении. *Фреге Г. Логика и логическая семантика*, М.: Аспект-Пресс: 230–246.

Шлейермахер Ф. (2014) Идея немецкого университета. *Специальное электронное приложение к журналу «Эпистемология и философия науки».* (https://iphras.ru/uplfile/socep/Prilozhenie_FINAL.pdf)

Шольтц Г. (2004) *Замечания к теме «Личность и субъект. Дискурс персональности в истории немецко-русских философских связей». Доклад на семинаре.* (https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=10)

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение,* М.: Новое литературное обозрение.

Beiser F.C. (2014a) *After Hegel: German Philosophy 1840–1900,* Princeton; Oxford: Princeton University press.

Beiser F.C. (2014b) *The Genesis of Neo-Kantianism, 1796–1880*, Oxford: Oxford University press.

Beiser F.C. (2013) *Late German Idealism: Trendelenburg and Lotze*, Oxford: Oxford University press.

Beiser F.C. (2011) *The German Historicist Tradition*, Oxford: Oxford University press.

von Below G. (1924) *Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unsern Tagen. 2. erw. Aufl.*, München, Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg.

Blumenberg H. (1997) *Paradigmen zu einer Metaphorologie. 6. Aufl.,* Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Coreth E., Ehlen P., Schmidt J. (1997) *Philosophie des 19. Jahrhunderts. 3. Aufl.*, Stuttgart; Berlin; Köln: W. Kohlhammer.

Droysen J.G. (1997) *Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh. Bd. 1*, Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog.

Eucken R. (1914) *Zur Sammlung der Geister*, Leipzig: Quelle & Mayer.

Eucken R. (1904) *Der Grundbegriffe der Gegenwart. 3. umgearb.* Aufl, Leipzig: Verlag von Veit & Comp.

Eucken R. (1879) *Geschichte der philosophischen Terminologie. Im umriss Dargestellt*, Leipzig: Verlag von Veit & Comp.

Flasche H., Wawrzinek U. (1960) Materialien zur Begriffsgeschichte. Eine Bibliographie Deutscher Hochschulschriften von 1900 bis 1955. *Archiv für Begriffsgeschichte*. Bd. V.

Joost-Gaugier C.L. (2002) *Raphael's Stanza della Segnatura: Meaning and Invention*, Cambridge: Cambridge University Press.

von Humboldt W. (1903) Über die Gesetze der Entwicklung der menschlichen Kräfte. Bruchstück. *Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Hg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1. Abt.: Werke I. Bd. I. Hg. von Albert Leitzmann*, Berlin: B. Behr's Verlag: 86–96.

Köhnke K.C. (1986) *Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Koselleck R. (1979) Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. *Historische Semantik und Begriffsgeschichte*. Hg. von Reinhart Koselleck, Stuttgart: Klett-Cotta: 19–36.

Koselleck R. (Hg.) (1979) *Historische Semantik und Begriffsgeschichte*, Stuttgart: Klett-Cotta.

Lübbe H. (1963) *Politische Philosophie in Deutschland: Studien zu ihrer Geschichte*, Basel, Stuttgart: Benno Schwabe & Co.

Lübbe H. (2003) *Säkularisierung. Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. Um ein Nachwort erweiterte Neuausgabe. 3. Aufl.,* München: Verlag Karl Alber Freiburg.

Meier H.G. (1971) Begriffsgeschichte. *Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler. Hrsg. von Joachim Ritter, Karlfried Gründer, Gottfried Gabriel*. Bd. 3, Basel u. a.: Schwabe: 788–808.

Reale G. (2008) *The School of Athens by Raphael.* Academia Verlag.

Ritter J. (2003) Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft. *Ritter Joachim. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuausgabe mit einem Nachwort von Odo Marquard. Aufl.*, Frankfurt am Main: Suhrkamp: 377–406.

Ritter J. (2003) Hegel und die französische Revolution. *Ritter Joachim. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuausgabe mit einem Nachwort von Odo Marquard. Aufl.,* Frankfurt am Main: Suhrkamp: 183–233.

Ritter J. (1971) Vorwort. *Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler. Hrsg. von Joachim Ritter, Karlfried Gründer, Gottfried Gabriel*. Bd. 3, Basel u. a.: Schwabe: 5–11.

Ritter J. (1967) Leitgedanken und Grundsätze des historischen Wörterbuchs der Philosophie. *Archiv für Begriffsgeschichte*, XI (1): 75–80.

Schleiermacher F. (1964) Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschem Sinn. *Anrich E. (Hg.) Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus,* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 219–308.

Schnädelbach H. (2012) *Was Philosophie wissen und was man von ihnen lernen kann. 2. Aufl.,* München: C.H. Beck.

Schnädelbach H. (1983) *Philosophie in Deutschland 1831–1933*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Trendelenburg A. (1871) Der Kölner Dom, eine Kunstbetrachtung. *Trendelenburg A. Kleine Schriften*. 2 Th., Leipzig: Verlag von S. Hirzel: 292–315.

Trendelenburg A. (1871) Raphaels Schule von Athen. *Trendelenburg A. Kleine Schriften.* 2 Th., Leipzig: Verlag von S. Hirzel: 233–265.

Trendelenburg A. (1867) Einige Belege für die nacharistotelisclie Abfassungszeit der magna moralia. *Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie*. III. Bd.: Vermischte Abhandlungen, Berlin: Verlag von G. Bethge: 433–444.

Trendelenburg A. (1870) *Logische Untersuchungen*. 3. Aufl. 2 Bd., Berlin: Hirzel.

Trendelenburg A. (1846) Geschichte der Kategorienlehre. *Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie*. I Bd., Berlin: Verlag von G. Bethge.

Trendelenburg A. (1843) *Die logische Frage in Hegel's System. Zwei Streitschriften,* Leipzig: Brockhaus.

Wach J. (1984) *Das Verstehen. Grundzüge einer Geschichte der hermeneutischen Theorie im 19.* Jahrhundert. 3 Bände in einem Band. Hildesheim, Zürich; New York: Georg Olms Verlag.

Wuchterl K. (1995) *Bausteine zu einer Geschichte der Philosophie des 20. Jahrhunderts*, Bern; Stuttgart; Wien: Haupt.

References

Bedeker Kh.Eh. (red.) (2010) *Istoriya ponyatij, istoriya diskursa, istoriya metaphor [The history of concepts, the history of discourse, the history of metaphors]*, M.: NLO.

Beiser F.C. (2011) *The German Historicist Tradition*, Oxford: Oxford University press.

Beiser F.C. (2013) *Late German Idealism: Trendelenburg and Lotze*, Oxford: Oxford University press.

Beiser F.C. (2014b) *The Genesis of Neo-Kantianism, 1796–1880*, Oxford: Oxford University press.

Beiser F.C. (2014a) *After Hegel: German Philosophy 1840–1900,* Princeton; Oxford: Princeton University press.

Blumenberg H. (1997) *Paradigmen zu einer Metaphorologie. 6. Aufl.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Coreth E., Ehlen P., Schmidt J. (1997) *Philosophie des 19. Jahrhunderts. 3. Aufl.*, Stuttgart; Berlin; Köln: W. Kohlhammer.

Dekart R. (1989) Pravila dlya rukovodstva uma [Rules for leadership of the mind]. *Sochineniya [Works]* v 2 t. T. 1. M.: Mysl': 77–153.

Demin M. (2009) "*Teoriya nauki" Adol'fa Trendelenburga v kontekste universitetskoj filosofii Germanii XIX veka ["Theory of Science" by Adolf Trendelenburg in the context of university philosophy of Germany of the XIX century]*: Dis. ... kand. filos. nauk, SPb.

Demin M. (2017) "Elementy logiki Aristotelya": mezhdu shkol'noj distsiplinoj i universitetskoj naukoj ["Elements of Aristotle's Logic": between school discipline and university science]. Trendelenburg A. *Elementy logiki Aristotelya [Elements of Aristotle's Logic]*, M.: Kanon + ROOI "Reabilitatsiya": 7–87.

Dilthey W. (2004) *Sobr. soch. v 6 t. [Collected works in 6 vol.]* T. 3. Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe [The construction of the historical world in the sciences of the spirit], M.: Tri kvadrata.

Dlugach T. (1996) Logicheskie issledovaniya Adol'fa Trendelenburga [Logical studies of Adolf Trendelenburg]. *ARKHEH: Ezhegodnik kul'turo-logicheskogo seminara [Yearbook of the Cultural and Logic Seminar]*. V. 2, M.: RGGU: 233–267.

Droysen J.G. (1997) *Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh. Bd. 1*? Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog.

Droysen J.G. (2004) Entsiklopediya i metodologiya istorii [The Encyclopedia and Methodology of History]. *Istorika [Historik]*, SPb.: Vladimir Dal': 41–448.

Droysen J.G. (2004) Ocherk istoriki [Essay on History]. *Istorika [Historik]*, SPb.: Vladimir Dal': 450–573.

Eucken R. (1914) *Zur Sammlung der Geister*, Leipzig: Quelle & Mayer.

Eucken R. (1904) *Der Grundbegriffe der Gegenwart. 3. umgearb.* Aufl., Leipzig: Verlag von Veit & Comp.

Eucken R. (1879) *Geschichte der philosophischen Terminologie. Im umriss Dargestellt*, Leipzig: Verlag von Veit & Comp.

Flasche H., Wawrzinek U. (1960) Materialien zur Begriffsgeschichte. Eine Bibliographie Deutscher Hochschulschriften von 1900 bis 1955. *Archiv für Begriffsgeschichte*. Bd. V.

Frege G. (2000) O smysle i znachenii [On the Meaning and Significance]. *Frege G. Logika i logicheskaya semantika [Logic and Logical Semantics]*, M.: Aspekt-Press: 230–246.

Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and method: The fundamentals of philosophical hermeneutics]*, M.: Progress.

Husserl E. (2001) *Logicheskie issledovaniya [Logical research]. T. 2. Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya [Studies on phenomenology and the theory of knowledge]*, M: Dom intellektual'noj knigi.

Husserl E. (2005) *Filosofiya kak strogaya nauka. Izbrannye raboty [Philosophy as a strict science. Selected works]*, M.: Izd. dom "Territoriya budushhego": 185–240.

Ionin L. (2010) *Apdejt konservatizma [The update of conservatism]*, M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki.

Joost-Gaugier C.L. (2002) *Raphael's Stanza della Segnatura: Meaning and Invention*, Cambridge: Cambridge University Press.

Köhnke K.C. (1986) *Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Kordonskij S. (2007) *Resursnoe gosudarstvo [Resource state]*, M.: REGNUM.

Koselleck R. (1979) Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. *Historische Semantik und Begriffsgeschichte*. Hg. von Reinhart Koselleck, Stuttgart: Klett-Cotta: 19–36.

Koselleck R. (2014) Vvedenie [Introduction]. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat'i v 2 t. [Dictionary of the main historical concepts: Selected articles in 2 volumes]* T. 1, M.: NLO: 23–44.

Koselleck R. (Hg.) (1979) *Historische Semantik und Begriffsgeschichte*, Stuttgart: Klett-Cotta.

Kurennoj V. (2007) K postanovke problemy personal'nosti v russkom pedagogicheskom diskurse serediny XIX — nachala XX vv. [To the statement of the problem of personality in the Russian pedagogical discourse of the middle of XIX — early XX centuries] *Personal'nost': Yazyk filosofii v russko-nemetskom dialoge [Personality: The language of philosophy in the Russian-German dialogue]*, M.: Modest Kolerov: 294–306.

Kurennoj V., Rumyantseva M. (2016) Filosofiya kul'tury Germana Lyubbe [The philosophy of culture of Hermann Lübbe]. *Lübbe H. V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashhem [In step with the times. Shortened stay in the present]*, M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2016: VII–XXIV.

Lübbe H. (1963) *Politische Philosophie in Deutschland: Studien zu ihrer Geschichte*, Basel; Stuttgart: Benno Schwabe & Co.

Lübbe H. (2003) *Säkularisierung. Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. Um ein Nachwort erweiterte Neuausgabe. 3. Aufl.*, München: Verlag Karl Alber Freiburg.

Lübbe H. (2016) *V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashhem [In step with the times. Shortened stay in the present]*. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki.

Lyovit K. (2002) *Ot Gegelya k Nitsshe: Revolyutsionnyj perelom v myshlenii XIX v. [From Hegel to Nietzsche: Revolutionary Change in the Thought of the Nineteenth Century]*, SPb.: Vladimir Dal'.

Meier H.G. (1971) Begriffsgeschichte. *Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler. Hrsg. von Joachim Ritter, Karlfried Gründer, Gottfried Gabriel*. Bd. 3, Basel u. a.: Schwabe: 788–808.

Meinecke F. (2004) *Vozniknovenie istorizma [The emergence of historicism]*, M.: ROSSPEHN.

Meyer J., Rowan B. (2011) Institutsionalizirovannye organizatsii: Formal'naya struktura kak mif i tseremonial [Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]*, 12 (1): 43–67.

Nietzsche F. (1909) Nesvoevremennye razmyshleniya [Untimely reflections]. Ch. 2. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni [On the benefits and harm of history for life].

Nietzsche F. *Poln. sobr. soch. [Complete Works]* T. 2. M.: Moskovskoe knigoizdatel'stvo: 85–178.

Reale G. (2008) *The School of Athens by Raphael,* Academia Verlag.

Ritter J. (1967) Leitgedanken und Grundsätze des historischen Wörterbuchs der Philosophie. *Archiv für Begriffsgeschichte*, XI (1): 75–80.

Ritter J. (1971) Vorwort. *Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler. Hrsg. von Joachim Ritter, Karlfried Gründer, Gottfried Gabriel*. Bd. 3, Basel u. a.: Schwabe: 5–11.

Ritter J. (2003) Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft. *Ritter Joachim. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuausgabe mit einem Nachwort von Odo Marquard. Aufl.*, Frankfurt am Main: Suhrkamp: 377–406.

Ritter J. (2003) Hegel und die französische Revolution. *Ritter Joachim. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuausgabe mit einem Nachwort von Odo Marquard. Aufl.,* Frankfurt am Main: Suhrkamp: 183–233.

Rumyantseva M. (2017) *Kontseptsiya moderna v shkole Ioakhima Rittera [The concept of modern in the school of Joachim Ritter]*: Dis. ... kand. filos. nauk, M.

Rutkevich A. (1999) *Chto takzhe konservatizm? [What is conservatism?],* M.: Universitetskaya kniga.

Schleiermacher F. (1964) Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschem Sinn. *Anrich E. (Hg.) Die Idee der deutschen Universität. Die fünf Grundschriften aus der Zeit ihrer Neubegründung durch klassischen Idealismus und romantischen Realismus,* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft: 219–308.

Schleiermacher F. (2014) Ideya nemetskogo universiteta [The idea of a German university]. *Spetsial'noe ehlektronnoe prilozhenie k zhurnalu "EHpistemologiya i filosofiya nauki" [A special electronic supplement to the journal Epistemology and the Philosophy of Science]*. (https://iphras.ru/uplfile/socep/Prilozhenie_FINAL.pdf)

Schnädelbach H. (1983) *Philosophie in Deutschland 1831–1933*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Schnädelbach H. (2012) *Was Philosophie wissen und was man von ihnen lernen kann. 2. Aufl.,* München: C.H. Beck.

Scholtz G. (2004) *Zamechaniya k teme "Lichnost' i sub"ekt. Diskurs personal'nosti v istorii nemetsko-russkikh filosofskikh svyazej". Doklad na seminare. Bokhum [Notes on the topic "Personality and subject. Discourse of personality in the history of German-Russian philosophical relations". Report at the seminar. Bochum].* (https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=10)

Trendelenburg A. (1843) *Die logische Frage in Hegel's System. Zwei Streitschriften*, Leipzig: Brockhaus.

Trendelenburg A. (1846) Geschichte der Kategorienlehre. *Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie.* I Bd., Berlin: Verlag von G. Bethge.

Trendelenburg A. (1867) Einige Belege für die nacharistotelisclie Abfassungszeit der magna moralia. *Trendelenburg A. Historische Beiträge zur Philosophie.* III. Bd.: Vermischte Abhandlungen, Berlin: Verlag von G. Bethge: 433–444.

Trendelenburg A. (1870) Logische Untersuchungen. 3. Aufl. 2 Bd., Berlin: Hirzel.

Trendelenburg A. (1871) Der Kölner Dom, eine Kunstbetrachtung. *Trendelenburg A. Kleine Schriften*. 2 Th, Leipzig: Verlag von S. Hirzel: 292–315.

Trendelenburg A. (1871) Raphaels Schule von Athen. *Trendelenburg A. Kleine Schriften.* 2 Th., Leipzig: Verlag von S. Hirzel: 233–265.

Trendelenburg A. (1868) *Logicheskie issledovaniya [Logical research]*. V 2 t., M.: Izd. K.T. Soldatenkova.

Trendelenburg A. (2017) *Elementy logiki Aristotelya [Elements of the Logic of Aristotle]*, M.: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya".

Troeltsch E. (1994) *Istorizm i ego problem [Historism and its problems]*, M.: Yurist.

von Below G. (1924) *Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unsern Tagen. 2 erw. Aufl.*, München; Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg.

von Humboldt W. (1903) Über die Gesetze der Entwicklung der menschlichen Kräfte. Bruchstück. *Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Hg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1. Abt.: Werke I. Bd. I. Hg. von Albert Leitzmann*, Berlin: B. Behr's Verlag, 1903: 86–96.

von Savigny F.K. (2011) *O prizvanii nashego vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii. Sistema sovremennogo rimskogo prava [On the vocation of our time to legislation and jurisprudence. The system of modern Roman law]*. T. I, M.: Statut: 128–207.

Wach J. (1984) *Das Verstehen. Grundzüge einer Geschichte der hermeneutischen Theorie im 19.* Jahrhundert. 3 Bände in einem Band. Hildesheim, Zürich; New York: Georg Olms Verlag.

Wuchterl K. (1995) *Bausteine zu einer Geschichte der Philosophie des 20. Jahrhunderts*, Bern; Stuttgart; Wien: Haupt.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]*, M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Куренной В.А. (2017) История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе. *Социология власти*, 32 (4): 197–239.

Kurennoy V.A. (2017) History of Philosophic History of Concepts. Foreword to Hermann Lübbe Translation. *Sociology of Power*, 32 (4): 197–239.

Поступило в редакцию: 25.12.2017; принято в печать: 27.12.2017